

Бернард
[Вербейер]

: муравьи

Этот многомиллионный город занимает на поверхности земли всего два квадратных метра! Его жильцы — самые трудолюбивые существа в мире! Их умение подчиняться правилам — мечта любого диктатора! Их интеллекту можно только позавидовать! Они — муравьи! И они живут среди нас. Или это мы живем среди них? Чья цивилизация окажется жизнеспособнее?

Бернард Вербер

Муравьи

Моим родителям

*А также друзьям, ученым,
всем, кто принес свою соломинку для постройки этого здания*

*За те несколько секунд, которые вам понадобятся, чтобы
прочитать эти четыре строчки:*

— На Земле родились 40 человек и 700 миллионов муравьев.

— На Земле умерли 30 человек и 500 миллионов муравьев.

*Люди: млекопитающие, чей рост колеблется от 1 до 2 метров.
Вес: от 30 до 100 килограммов. Беременность самок: 9 месяцев. Пища:
всеядны. Примерная численность: более 5 миллиардов особей.*

*Муравьи: насекомое, чей рост колеблется от 0,01 до 3
сантиметров. Вес: от 1 до 150 миллиграммов. Кладка яиц: по желанию,
в зависимости от запаса сперматозоидов. Пища: всеядны. Примерная
численность: более миллиарда миллиардов особей.*

*Эдмон Уэллс. «Энциклопедия относительного и абсолютного
знания»*

1. ПРОБУЖДАЮЩИЙ

Вы увидите, что это совсем не то, чего вы ждете.

Нотариус рассказал о том, что дом причислен к историческим памятникам, что в нем жили ученые эпохи Возрождения, вот только он не помнил, какие именно.

Они поднялись по лестнице, вышли в темный коридор, где нотариус сначала долго искал, а потом безрезультатно нажимал кнопку выключателя.

— Тьфу ты, — махнул он рукой. — Не работает. Они углубились в темноту, шумно хлопая руками по стенам. Когда нотариус, наконец, нашел дверь, открыл ее и включил-таки свет, он увидел искаженное лицо клиента.

— Вам плохо, господин Уэллс?

— Что-то типа фобии. Ничего страшного.

— Бойтесь темноты?

— Именно. Но ничего, мне уже лучше.

Они осмотрели квартиру. Двести квадратных метров на первом этаже. Выходящие на улицу редкие, узкие отдушины располагались на уровне потолка. Несмотря на это, квартира Джонатану понравилась. Все стены были обиты одинаковым серым материалом, все вокруг покрывала пыль... Но Джонатан и не думал привередничать.

Его нынешняя квартира была меньше раз в пять и уже не по карману. В слесарной мастерской, где он работал, ему недавно сообщили, что в его услугах больше не нуждаются.

Наследство дяди Эдмона оказалось поистине манной небесной.

Через два дня Джонатан со своей женой Люси, сыном Николя и стриженным карликовым пуделем по кличке Уарзазат переехал в дом номер 3 по улице Сибаритов.

— А мне даже нравятся эти серые стены, — заявила Люси, откидывая назад свои густые рыжие волосы. — Можно будет украсить их, как нам заблагорассудится. Здесь все надо начинать с нуля. Это все равно что переделать тюрьму в гостиницу.

— А где моя комната? — спросил Николя.

— Дальше, направо.

— Гав-гав, — высказался пудель и стал покусывать икры Люси, не обращая внимания на то, что в руках у нее был сервиз, свадебный подарок.

Пса тут же загнали в туалет и заперли на ключ, потому что он умел допрыгивать до ручки и открывать дверь.

— А ты хорошо знал своего чудесного дядю? — поинтересовалась Люси.

— Дядю Эдмона? Честно говоря, я помню только то, как он подкидывал меня в воздух, когда я был совсем маленьким. Однажды я так испугался, что написал на него сверху.

Они засмеялись.

— Ты уже тогда был трусом? — поддразнила мужа Люси.

Джонатан пропустил эту шпильку мимо ушей.

— Дядя на меня не рассердился. Он только сказал моей матери: «Вот и хорошо, уже понятно, что летчиком ему не быть...» Потом мама говорила мне, что он внимательно следил за моими успехами, хотя мы больше и не встречались.

— А чем он занимался?

— Он был ученым. Биологом, кажется. Джонатан задумался. Он действительно совсем не знал своего благодетеля.

В 6 километрах от дома Джонатана:
БЕЛ-О-КАН,
1 метр высоты.
50 этажей над землей.
50 этажей под землей.
Самый большой Город в округе.
Примерная численность жителей: 18 миллионов.

Ежегодно производимая продукция:
— 50 литров молочка тли.
— 10 литров молочка кошенили^[1].
— 4 килограмма пластинчатых грибов.
— Удаленный гравий: 1 тонна.
— Длина используемых коридоров: 120 километров.
— Площадь на поверхности земли: 2 квадратных метра.

Луч солнца проникает в муравейник. Шевелится одна лапка. Первое движение после зимней спячки, начавшейся три месяца назад. Другая лапка, увенчанная двумя постепенно раздвигающимися когтями, медленно вытягивается вперед. Третья лапка расслабленно подергивается. Затем торакс^[2]. Затем все тело. Затем еще двенадцать тел. Их бьет озноб, который помогает их прозрачной крови продвигаться по сети артерий. Вязкая кровь сначала становится просто густой, потом превращается в жидкость. Постепенно сердечный насос приходит в движение. Он качает жизненный сок, разгоняя его по всем конечностям. Биомеханика разогревается. Сверхсложные сочленения поворачиваются вокруг своей оси. Коленные чашечки с предохранительными щитками вращаются, находя крайнюю точку изгиба.

Они поднимаются. Их тела снова дышат. Их движения беспорядочны. Напоминают танец в замедленной съемке. Они вздрагивают, отряхиваются. Передние лапки складываются у рта, как будто в молитве, но нет, они смачивают когти, чтобы почистить усики. Двенадцать проснувшихся растирают друг друга. Потом стараются разбудить соседей. Но у них едва хватает сил на то, чтобы двигаться самим. Они еще не могут никому дарить энергию. Они оставляют свои попытки и с трудом бредут среди неподвижных тел собратьев. Они движутся к большому Внешнему Миру. Их тела с холодной кровью должны вобрать в себя калории дневной звезды.

У них нет сил, но они идут вперед. Каждый шаг причиняет боль. Как им хочется снова лечь и мирно заснуть рядом с миллионами своих сограждан. Но нет. Они проснулись первыми. Теперь они должны разбудить весь Город. Они проходят сквозь наружный слой муравейника. Солнечный свет ослепляет их, но как живителен контакт с чистой энергией!

Солнце входит в наши полые панцыри,
Оживляет помертвевшие мускулы
И объединяет разрозненные мысли.

Это древняя утренняя молитва рыжих муравьев сотого тысячелетия. Уже тогда им хотелось мысленно воспеть миг первого соприкосновения с теплом.

Оказавшись на свежем воздухе, они начинают тщательно умываться. Они выделяют белую слюну и натирают ей челюсти и лапки.

Они прихорашиваются. Это целый незабываемый церемониал. Сначала — глаза. Тысяча триста маленьких иллюминаторов, составляющих каждый сферический глаз, очищаются от пыли, смачиваются, высушиваются. Затем то же самое проделывается с усиками, с нижними конечностями, со средними конечностями, с верхними конечностями. В завершение они натирают свои красивые рыжие латы, пока те не начинают сверкать, как искры пламени.

Среди двенадцати проснувшихся муравьев — самец-производитель. Он чуть поменьше, чем большинство представителей белоканского населения. У него узкие мандибулы^[3] и жизни ему отмерено всего несколько месяцев, но у него есть и преимущества, неведомые его собратьям.

Первая привилегия его касты — как имеющий пол он обладает пятью глазами: двумя большими шаровидными глазами, которые обеспечивают ему широкое поле зрения в 180 градусов, и еще тремя простыми глазками, расположенными треугольником на лбу. Эти дополнительные глаза на самом деле являются перехватчиками инфракрасного излучения, позволяющими ему обнаруживать любой источник тепла на расстоянии, даже в крошечной темноте.

Эти свойства более чем ценны, так как большинство обитателей больших Городов стотысячного тысячелетия, проводя всю свою жизнь под землей, стали совершенно слепыми.

Но у него есть не только эта особенность. У самца (как и у самки) есть еще крылья, которые однажды дадут ему возможность взлететь, чтобы заняться любовью.

Его торакс снабжен специальным щитом — мезотонумом.

Его усики длиннее и чувствительнее, чем у остальных муравьев.

Молодой самец-производитель долго остается на куполе, наслаждаясь солнцем. Потом, согревшись хорошенько, он возвращается в Город. Сейчас он временно принадлежит к касте муравьев-«посланников тепла».

Он идет по коридорам третьего нижнего этажа. Здесь все еще крепко спят. Замерзшие тела неподвижны. Усики безжизненны.

Муравьи еще видят сны.

Молодой самец протягивает лапку к рабочему, которого он хочет разбудить теплом своего тела. Прикосновение дает приятный электрический разряд.

После второго звонка послышалось мышинное шуршание. Какое-то время бабушке Огюсте понадобилось для того, чтобы снять цепочку, затем дверь открылась.

С тех пор как умерли двое ее детей, она жила затворницей на своих тридцати квадратных метрах, вся в прошлом. Хорошего в этом для нее ничего не было, но доброта ее от этого не уменьшилась.

— Я знаю, что это смешно, но надень тапочки. Я натерла паркет.

Джонатан подчинился. Старушка засемила перед ним, ведя его в гостиную, заставленную мебелью в чехлах. Джонатан сел на край дивана, безуспешно пытаясь не скрипеть пластиком.

— Я так рада, что ты пришел... Ты мне, может быть, не поверишь, но я собиралась на днях тебе позвонить.

— Вот как?

— Вообрази, Эдмон оставил мне кое-что для тебя. Письмо. Он мне сказал: «Если я умру, обязательно отдай это письмо Джонатану».

— Письмо?

— Письмо, да, письмо... Ах ты, господи, я уже запомнила, куда его положила. Подожди секундочку... Он мне отдал это письмо, я ему говорю, что спрячу его, ну и положила в коробку. Наверно, в одну из жестяных коробок в большом шкафу.

Старушка уже было засемила обутыми в тапочки ногами, но на третьем скользящем шаге

остановилась.

— Погоди, что ж это я, совсем, что ли, из ума выжила? Как я тебя принимаю! Вербены^[4] хочешь?

— С удовольствием.

Бабушка ушла на кухню и загремела кастрюлями.

— Расскажи немного про себя, Джонатан! — крикнула она.

— Ну... мне ужасно не везет. Меня выгнали с работы.

Бабушка всунула на мгновение свою мышиную головку в дверь, потом показалась вся целиком, с серьезным выражением лица, упакованная в длинный голубой фартук.

— Тебя выгнали?

— Да.

— Почему?

— Видишь ли, слесарная мастерская — это особый мир. Наша фирма, «SOS-Замок», работает круглосуточно по всему Парижу. Ну а с тех пор, как на одного моего коллегу напали, я отказывался ездить по вечерам в опасные районы. Ну, меня и уволили.

— Ты правильно сделал. Здоровье дороже.

— К тому же я с начальством не сработался...

— А как твои коммуны? В мое время их называли «братствами незадач»... — старушка чуть заметно улыбалась, — то есть «новых задач».

— Я бросил это дело после неудачи с фермой в Пиренеях. Люси надоело готовить и мыть за всеми посуду. К тому же среди нас затесались элементарные дармоеды, ну, мы и разругались. Теперь я живу только с Люси и Николя... А ты, бабушка, как ты живешь?

— Я-то? Существую. Только этим и занята.

— Везет тебе! Ты пережила рубеж тысячелетия...

— Да уж. Ты знаешь, меня больше всего потрясает то, что ничего не изменилось. Раньше, когда я была совсем молоденькой, все думали, что на рубеже тысячелетий произойдет что-нибудь необыкновенное, но, как видишь, ничего не случилось. Как и прежде, есть одинокие старики, безработные, вонючие автомобили. Даже мысли остались такими же. Смотри, в прошлом году заново открыли сюрреализм, в позапрошлом — рок-н-ролл, и теперь вот в газетах пишут, что этим летом в одночасье вернутся мини-юбки. Если так пойдет и дальше, скоро вспомнят про все это старье из начала прошлого века — коммунизм, психоанализ, теорию относительности...

Джонатан улыбнулся.

— Ну, все-таки какой-то прогресс есть — средняя продолжительность жизни человека увеличилась, а также количество разводов, уровень загрязнения воздуха, протяженность линий метро...

— Тоже мне прогресс. Я-то думала, что у всех будут личные самолеты, взлетай себе прямо с балкона... Ты знаешь, когда я была молодая, люди боялись атомной войны. Вот это я понимаю. Умереть ста лет от роду в пожарнице гигантского ядерного гриба, умереть вместе со всей планетой... Все-таки в этом был размах! А теперь я сгнию, как старая негодная картофелина. И всем будет на это наплевать.

— Да полно тебе, бабушка, что ты такое говоришь! Старушка вытерла лоб.

— И жарница эта проклятая, с каждым годом все сильнее и сильнее. В мое время не было так жарко. Была настоящая зима и настоящее лето. А теперь пекло начинается с марта.

Бабушка снова ушла на кухню, где начала суетиться, с редким проворством собирая все необходимое для приготовления настоящего вербенового чая. Потом она чиркнула спичкой, допотопная плита загудела, и бабушка, с облегченным видом, вернулась.

— Ну, так зачем ты ко мне пожаловал? Сейчас к старикам просто так не приходят.

— Бабушка, не будь циничной.

— Я не циничная, просто я знаю жизнь и людей, только и всего. Ну, ладно, хватит разводить антимионии^[5], говори, что тебя привело.

— Я хотел бы, чтобы ты мне рассказала о нем. Понимаешь? Он мне оставляет свою квартиру, а я о нем даже ничего не знаю...

— Эдмон? Ты не помнишь Эдмона? А ведь когда ты был маленьким, он любил подбрасывать тебя в воздух. Помнится, один раз даже...

— Да, я тоже об этом помню, но после этого случая — пустота.

Старушка устроилась в большом кресле, стараясь не слишком помять чехол.

— Эдмон... да, это была личность. Даже в детстве твой дядя доставлял мне немало хлопот. Ох, и намучилась же я с ним! Например, он все время ломал игрушки, чтобы их разобрать, а потом снова собрать — но это не всегда. И не только игрушки! Он раскурочивал все: часы, проигрыватель, электрическую зубную щетку. Однажды он даже разобрал холодильник.

Как будто подтверждая слова бабушки, старинные часы в гостиной принялись мрачно отбивать время. Маленький Эдмон и им показал, где раки зимуют.

— И еще у него была одна мания — тайники. Он переворачивал дом вверх дном и устраивал себе «норки». Одну он сделал при помощи одеял и зонтиков на чердаке, другую — из стульев и шуб в своей комнате. Он любил прятаться в них, вместе со своими сокровищами. Я как-то раз смотрела, там было полно подушек и всякого механического хлама, который он натаскал из разных агрегатов. Но, в общем, уютно.

— Все дети так делают...

— Может быть, но у него это принимало странные масштабы. Он ни в какую не желал больше спать в своей кровати — только в одной из этих «норок». Иногда он сидел там неподвижно целыми днями. Как будто в спячку впадал. Твоя мать говорила, что в прошлой жизни он, скорее всего, был белкой.

Джонатан улыбнулся, подбадривая бабушку.

— Однажды он захотел построить хижину в гостиной под столом. Это стало последней каплей, переполнившей чашу, и твой дедушка прямо-таки вскипел, а он ведь всегда был такой спокойный. Он отшлепал этого сорванца, разобрал все его «норки» и заставил спать в постели.

Бабушка вздохнула.

— С той поры Эдмон весь ушел в себя. Как будто перерезали пуповину. Мы больше для него не существовали. Но я думаю, что такое испытание пошло ему на пользу, он должен был понять, что люди не будут бесконечно терпеть его капризы. Ну, а дальше больше. Школу он на дух не выносил. Ты, конечно, опять скажешь: «как все дети». Но с ним все было сложнее. Ты много знаешь детей, которые вешаются на ремне в туалете из-за того, что учитель на них накричал? А вот он пытался — семи лет от роду. Слава богу, уборщик его спас.

— Может быть, он был слишком ранимым...

— Ранимым? Ты смеешься? Через год он пытался зарезать одного из учителей ножницами. Целился в сердце. К счастью, только испортил ему портсигар. — Старушка подняла глаза к потолку, словно разрозненные воспоминания сыпались на нее, как хлопья снега.

— Потом стало чуть полегче, потому что некоторым учителям удалось его заинтересовать. По тем предметам, которые он любил, у него были отличные отметки, а по всем остальным хуже некуда. Вот так, никакой середины.

— Мама говорила, что он был гением.

— Он ее прямо-таки заворожил, когда рассказал ей, что ищет «абсолютное знание». Твоя мать с десяти лет верила в переселение душ, и вбила себе в голову, будто он в прошлой жизни

был Эйнштейном или Леонардо да Винчи.

— И белкой?

— Почему бы нет? Будда говорил: «Чтобы родилась душа, нужно много жизней».

— Он проходил тест на уровень интеллектуального развития?

— Да. Результат был плохой. Двадцать три пункта из ста восьмидесяти, что означает легкое слабоумие. Воспитатели решили, что он ненормальный, что его нужно поместить в школу для дебилов. Но я-то знала, что он нормальный. Он просто был, что называется, не от мира сего. Помню, как-то раз — надо же, ему было-то от силы лет одиннадцать — он предложил мне на спор сделать четыре равнобедренных треугольника всего из шести спичек. Это не легко, если хочешь, сам попробуй...

Старушка ушла на кухню, взглянула на чайник и принесла шесть спичек. Джонатан задумался. Задача показалась ему разрешимой. Он испробовал несколько вариантов и через некоторое время был вынужден сдаться.

— Ну и как же это сделать? Бабушка Огюста сосредоточилась.

— Ты знаешь, по-моему, он мне так и не объяснил. Я только помню, как он намекнул: «Нужно думать по-другому, если думать так, как мы привыкли, ничего не получится». Представляешь, в одиннадцать-то лет! Ой! Кажется, чайник свистит. Вода, должно быть, вскипела.

Старушка вернулась с двумя чашками, наполненными очень ароматной желтоватой жидкостью.

— Знаешь, мне приятно, что ты интересуешься своим дядей. Теперь ведь как: умер человек, и все о нем забыли, словно его и не было.

Джонатан оставил спички и принялся осторожно прихлебывать вербеновый чай.

— А что произошло потом?

— Не знаю, как только он поступил в университет, мы потеряли его из виду. Твоя мать мне говорила, что он блестяще защитил диплом, потом работал на какой-то фирме, что-то они там выпускали съедобное, потом он оттуда ушел и уехал в Африку. Потом вернулся, жил на улице Сибаритов и никто ничего о нем не слышал до самой его смерти.

— От чего он умер?

— А, ты не знаешь? Невероятная история. Представь, его убили осы.

— Осы? То есть?

— Он гулял по лесу, случайно, наверное, наткнулся на осиное гнездо, ну а эти твари на него и набросились. Судебный медик и тот удивлялся: «Я никогда не видел столько укусов на одном человеке!» Он умер от того, что у него в организме было 0, 3 грамма яда на литр крови. Представляешь?

— А где его могила?

— Он попросил, чтобы его похоронили под сосной в лесу.

— А фотографии у тебя есть?

— Да вон, над комодом. Справа Сюзи, твоя мать, молодая еще совсем. Слева — Эдмон.

У Эдмона был открытый лоб, маленькие острые усики, уши без мочек, поднятые выше уровня бровей, как у Кафки. На лице его играла злая усмешка. Настоящий чертенок. Его сестра Сюзи была прелестна в своем белом платье. Через несколько лет она вышла замуж, но навсегда сохранила фамилию Уэллс. Как будто не хотела, чтобы ее супруг оставил потомкам память о себе.

Подойдя поближе, Джонатан заметил, что Эдмон поднял над головой своей сестры «рожки» из двух растопыренных пальцев.

— Он много хулиганил, да?

Огюста не ответила. Дымка грусти загуманила ее взгляд, когда она увидела сияющее лицо своей дочери. Сюзи погибла шесть лет назад. Пьяный шофер за рулем пятнадцатитонного грузовика столкнул ее машину в овраг. Два дня она была в агонии. Она звала Эдмона, но Эдмон не пришел. Он опять был где-то там...

— А ты знаешь кого-нибудь, кто мог бы мне о нем рассказать?

— М-м-м... У него был друг детства, они с ним часто виделись. Они вместе учились в университете. Язон Брагель его зовут. У меня даже должен быть номер его телефона.

Огюста быстро справилась в компьютере и дала Джонатану адрес Брагеля. Она с нежностью смотрела на внука. Он был последним отпрыском семьи Уэллсов. Хороший мальчик.

— Давай допивай, а то остынет. У меня есть еще бисквитные пирожные, если хочешь. Я сама их пеку на перепелиных яйцах.

— Нет, спасибо, мне пора идти. Приходи как-нибудь посмотреть нашу новую квартиру, мы уже переехали.

— Спасибо, приду. погоди, я тебе дам письмо. Перерыв весь большой шкаф, старушка, наконец, нашла среди жестяных коробок белый конверт, на котором было написано летящим почерком: «Для Джонатана Уэллса». Чтобы он случайно не открылся, его заклеили несколькими полосами клейкой ленты. Джонатан осторожно разорвал конверт. Из него выпал смятый листок, как будто вырванный из школьной тетрадки. На нем была написана одна-единственная фраза:

«САМОЕ ГЛАВНОЕ, НИКОГДА НЕ СПУСКАТЬСЯ В ПОГРЕБ!»

Усики муравья едва заметно дрожат. Он похож на машину, которую надолго оставили под слоем снега, а теперь пытаются завести. Самец возобновляет попытки снова и снова. Он растирает муравья, обмазывает теплой слюной.

Жизнь. Есть, мотор приходит в движение. Сезон прошел. Все начинается опять, как будто у него и не было этой «маленькой смерти».

Самец массирует муравья, чтобы передать ему калории. Муравью сейчас очень хорошо. Пока самец возится, муравей направляет на него свои усики. Дотрагивается до него. Он хочет познакомиться.

Муравей прикасается к первому сегменту, начиная от головы самца, и считывает его возраст: сто семьдесят три дня. По следующему сегменту слепой рабочий определяет его касту: самец-производитель. По третьему — его вид и его Город: рыжий лесной муравей из материнского Города Бел-о-кан. На четвертом сегменте рабочий находит номер кладки, который служит самцу именем: номер 327, отложен в начале осени.

На этом муравей прекращает свою обонятельную расшифровку. Остальные сегменты не несут информации. Пятый служит для распознавания молекул следов. Шестой используется для простых диалогов. Седьмой позволяет вести сложные диалоги сексуальной окраски. Восьмой предназначен для диалогов с Матерью. Ну и, наконец, три последних служат небольшими дубинками.

Вот и все, муравей проверил одиннадцать сегментов второй части усика. Но ему нечего сказать самцу. Муравей отодвигается и, в свою очередь, уходит греться на крышу Города. Самец делает то же самое. Работа посланника тепла закончена, время заняться восстановительной деятельностью.

Наверху самец № 327 осматривает разрушения. Город построен конусом, чтобы лучше противостоять непогоде, но, несмотря на это, зима нанесла ему ущерб. Ветер, снег и град снесли верхний слой веток. Птичий помет залепил некоторые выходы. Нужно быстро приниматься за

работу. № 327 добирается до толстого желтого пятна и вгрызается мандибулами в твердое, зловонное вещество. Он уже различает силуэт насекомого, которое идет ему навстречу, расчищая вход изнутри.

В глазке было темно. Кто-то смотрел с другой стороны, словно пытался увидеть сквозь дверь.

— Кто там?

— Это Гунь... Насчет переплета.

Дверь приоткрылась. Тот, кто назвался Гунем, опустил глаза на светловолосого мальчика лет десяти, еще ниже он увидел крошечного песика, карликовый пудель просунул нос у мальчика между ног и зарычал.

— Папы нет!

— Вот как? Профессор Уэллс должен был зайти ко мне и...

— Профессор Уэллс — мой дядя. Он умер. Николя хотел закрыть дверь, но незнакомец настойчиво поставил ногу в проем.

— Мои искренние соболезнования. Он не оставил для меня такую большую папку с бумагами? Я переплетчик. Он мне заплатил вперед за кожаный переплет для своих рабочих заметок. Мне кажется, он хотел составить энциклопедию. Он должен был зайти, и вот уже сколько времени о нем ни слуху, ни духу...

— Я же вам сказал, что он умер.

Незванный гость еще дальше просунул ногу и придавил дверь коленом, как будто хотел войти, оттолкнув мальчика. Зажатая собака истошно завизжала. Незнакомец остановился.

— Понимаешь, все равно как-то неудобно, я же обещал. Проверь, пожалуйста, где-то должна быть большая красная папка.

— Вы говорите, энциклопедия?

— Да, он сам так называл свою работу: «Энциклопедия относительного и абсолютного знания», но я думаю, на обложке этого не написано...

— Мы бы ее нашли, если бы она тут была.

— Мне очень неловко надоедать, но...

Карликовый пудель оглушительно залаял. Незнакомец слегка отпрянул, и это позволило мальчику захлопнуть дверь перед его носом.

Весь Город уже проснулся. Коридоры заполнены посланниками тепла, спешащими согреть Племя. Но на некоторых перекрестках еще лежат неподвижные граждане. Напрасно посланники их тормозят и даже бьют — они не оживают. Они и не оживут. Они мертвы. Для них спячка стала роковой. Провести три месяца с практически остановившимся сердцем — это всегда риск. Они не страдали. Они перешли ото сна к смерти, когда резкий сквозняк загулял по Городу. Их трупы были вынесены и выброшены на свалку. Так каждое утро Город убирает свои отмершие клетки, вместе с мусором. Убрав нечистоты из артерий, Город насекомых кипит. Везде шевелятся лапки. Челюсти грызут. Усики трепещут от информации. Все ожило, как и раньше. Как до зимней анестезии.

Самец № 327 тащит веточку, раз в шестьдесят тяжелее его самого. К нему подходит солдат, которому, должно быть, уже больше пятисот дней. Чтобы привлечь к себе внимание самца, солдат стучит по его голове сегментами-дубинками. № 327 поднимает глаза. Солдат кладет свои усики на усики самца.

Солдат хочет, чтобы № 327 бросил восстанавливать крышу и отправился с группой муравьев

В... охотничью экспедицию.

№ 327 трогает рот и глаза солдата.

Какая охотничья экспедиция?

Солдат дает ему понюхать ломтик сухого мяса, спрятанный в складке сустава торакса.

Похоже на то, что это мясо нашли прямо перед началом зимы в западном районе, угол 23 градуса относительно солнца в зените.

№ 327 пробует. Это, несомненно, мясо жесткокрылого насекомого. Точнее, листоеда. Странно. Жесткокрылые насекомые еще должны пребывать в спячке. Каждый знает, что рыжие муравьи просыпаются, когда воздух прогревается до 12 градусов тепла, термиты — при 13 градусах, мухи — при 14 градусах, а жесткокрылые насекомые — при 15 градусах тепла. Старого солдата эти аргументы не убеждают. Он объясняет № 327, что мясо принесено из особого района, искусственно обогреваемого подземным источником воды. Там нет зимы. В этом районе царит микроклимат, способствующий размножению специфических животных и растений.

А Племя очень голодно после пробуждения. Ему срочно нужны белки для восстановления сил. Тепла для этого недостаточно.

№ 327 соглашается.

Экспедиция сформирована из двадцати восьми муравьев касты «солдат». Большинство из них — старые бесполое муравьи, в том числе и собеседник самца № 327. Сам же № 327 — единственный участник экспедиции, принадлежащий к касте «самцов». Стоя поодаль, он разглядывает новых товарищей через сетку своих глаз.

Тысячи граней муравьиного глаза видят не тысячекратно умноженную картинку, а скорее картинку в клетку. Муравьи плохо различают детали. Но зато замечают малейшее движение.

Похоже на то, что участники экспедиции привыкли к дальним путешествиям. Их тяжелые животы до отказа наполнены кислотой. Головы защищены самым мощным оружием. Доспехи хранят следы от ударов мандибулами, полученных в битвах.

И вот разведчики уже несколько часов в пути. Они миновали много Городов Федерации, высоко возносящихся к небу и деревьям. Дочерние Города династии Ни: Йоди-лу-бэкан (самый большой производитель зерна), Жиу-ли-экан (чьи легионы убийц два года назад победили коалицию термитников Юга), Зеди-бей-накан (знаменитый своими химическими лабораториями, где производится сильно концентрированная боевая кислота), Ли-виу-кан (где кошенильный спирт имеет чрезвычайно ценный вкус смолы). Рыжие муравьи объединяются не только в Города, но и в коалиции Городов. Сила — в единстве. В Юрских горах можно встретить Федерации рыжих муравьев, состоящие из 15 000 муравейников, занимающие поверхность в 80 гектаров, общая численность населения которых — выше 200 миллионов особей.

Бел-о-кан еще не достиг такого уровня развития. Это молодая Федерация, ее первая династия была основана пять тысяч лет назад. Местная легенда гласит, что когда-то в эти края случайно забрела молодая девушка, заплутавшая в ужасную бурю. Не зная, как вернуться домой, она основала здесь Бел-о-кан, а Бело-кан породил Федерацию и сотни поколений королей династии Ни.

Первую королеву из этой династии звали Бело-киу-клуни, что означает потерявшийся муравей. С тех пор все королевы, занимавшие центральное гнездо, брали себе это имя.

Пока Бел-о-кан состоит из большого центрального Города и 64 дочерних Федеральных Городов, разбросанных в округе. Но он уже заявляет о себе, как о самой серьезной политической силе в этом районе леса Фонтенбло.

Пройдя союзные Города, оставив позади Ла-шола-кан, самый западный Город Бел-о-кана,

участники экспедиции подходят к небольшим пригоркам: это летние гнезда или «аванпосты». Они еще пусты. Но № 327 знает, что скоро война и охота заполнят их солдатами.

Они идут прямой линией. Отряд проходит бирюзовую прерию и холм, окаймленный чертополохом. Они покидают охотничью территорию. Вдали, на севере, уже виден вражеский Город Ши-гае-пу. Но его жители пока еще спят.

Они идут дальше. Почти все живое вокруг них еще погружено в зимнюю спячку. Кое-где только несколько непосед высовывают головы из нор. Завидев рыжие доспехи, они боязливо прячутся обратно. Муравьи, по правде говоря, не славятся дружелюбием. Особенно, когда решительно идут вперед и вооружены до самых усиков...

Теперь участники экспедиции дошли до границ знакомых земель. Тут нет ни одного дочернего Города. Ни одного аванпоста на горизонте. Ни одной тропинки, прорытой заостренными лапками. Только несколько почти неуловимых следов, запахи которых говорят о том, что когда-то здесь прошли белоканцы. Они колеблются. Окружающая их растительность не значитя ни на одной обонятельной карте. Она смыкается над ними темной, не пропускающей свет крышей. Похоже на то, что эта вегетативная масса с вкраплениями животного присутствия хочет взять их в плен.

Как сказать им о том, чтобы они туда не заходили? Он снял пиджак и расцеловал свое семейство.

— Уже закончили все разбирать?

— Да, папа.

— Хорошо. Кстати, вы кухню видели? Там в глубине есть дверь.

— Я как раз хотела с тобой о ней поговорить, — сказала Люси, — это, должно быть, подвал. Я попыталась ее открыть, но она заперта на ключ. Там есть большая щель. Насколько можно увидеть, там очень глубоко. Надо, чтобы ты сломал замок. Хоть на что-то сгодится муж-слесарь.

Она улыбнулась, он заключил ее в объятия. Люси и Джонатан были вместе уже тринадцать лет. Они познакомились в метро. Какой-то хулиган от нечего делать бросил в вагон слезоточивую бомбу. Через несколько минут все пассажиры очутились на полу, захлебываясь кашлем и слезами. Джонатан и Люси упали друг на друга. Когда они пришли в себя, Джонатан предложил Люси проводить ее домой. Потом он пригласил ее посетить одну из своих первых коммун, которая обосновалась в пустующей квартире, недалеко от Северного вокзала. Через три месяца они решили пожениться.

— Нет.

— То есть, как это нет?

— Нет, мы не будем ломать замок, и не будем пользоваться этим подвалом. Не надо больше о нем говорить, не надо к нему подходить, а главное, не надо думать о том, как его открыть.

— Ты шутишь? Объясни, в чем дело!

Джонатан не придумал веской причины для запрета подходить к подвалу. И невольно получил результат, обратный желаемому. Его жена и сын теперь были заинтригованы. Что он мог поделаться? Сказать им, что вокруг дяди-благодетеля существовала некая тайна, что он предупредил их о некоей опасности, связанной с подвалом?

Это было не объяснение. В лучшем случае, какое-то суеверие. Люди любят логику, а значит, Люси и Николая этим не удовлетворятся.

Джонатан промямлил:

— Меня предупредил нотариус.

— О чем он тебя предупредил?

— Подвал кишмя кишит крысами!

— Фу! — скривился мальчик. — Крысы? Но они же точно пролезут в щель.

— Не беспокойтесь, мы все заделаем.

Теперь Джонатан был, в общем, доволен произведенным эффектом. Какая удача, что ему пришла в голову идея насчет крыс.

— Ну, так значит, договорились, никто больше к подвалу на пушечный выстрел не приближается, хорошо?

Он пошел к ванной комнате. Люси догнала его.

— Ты виделся со своей бабушкой?

— Было такое.

— И просидел у нее все утро?

— Ну, допустим.

— Но ты ведь не собираешься все время вот так бить баклуши? Ты ведь сам говорил всем на ферме в Пиренеях: «Праздность — мать всех пороков». Тебе надо найти другую работу. Деньги тают!

— Мы унаследовали квартиру площадью двести квадратных метров в роскошном районе на опушке леса, а ты мне о работе говоришь! Ты что, не умеешь ловить мгновение?

Джонатан хотел обнять жену, но она отпрянула.

— Умею, конечно, но я умею и о будущем думать. Я — домохозяйка, ты — безработный, что с нами будет через год?

— У нас еще кое-что есть.

— Не будь дураком, на этом кое-что можно продержаться несколько месяцев, а потом...

Люси уткнула кулачки в бока и выпятила грудь.

— Слушай, Джонатан, ты потерял работу потому, что не хотел ездить по ночам в опасные районы. Ладно, я тебя понимаю, но ты должен найти что-нибудь другое!

— Конечно, я найду работу, дай мне только прийти в себя. Я обещаю тебе, что потом, скажем, через месяц, я дам объявления.

В дверь просунулась светловолосая голова, за ней — ни дать ни взять легкая игрушка. Николя и Уарзат.

— Папа, тут приходил какой-то дядька, сказал, что ему нужно сделать переплет для книги.

— Переплет для книги? Для какой книги?

— Не знаю, он что-то говорил про большую энциклопедию, которую написал дядя Эдмон.

— Вот оно что... Он вошел? Вы ее нашли?

— Нет, он был какой-то противный, к тому же книги-то все равно нет...

— Молодец, сынок, ты правильно сделал.

Новость озадачила Джонатана, а затем заинтриговала. Он обыскал всю квартиру, но безрезультатно. Потом он долго стоял на кухне, разглядывал дверь в подвал, большой замок и широкую щель. К какой тайне вела эта дверь?

Надо идти в эти заросли.

От одного из самых старых участников экспедиции поступает предложение. Если нужно передвигаться по негостеприимной территории, говорит он, лучше всего построиться в форме «змеи с большой головой». Все немедленно соглашаются — мол, как нам это самим не пришло в голову.

Пять разведчиков, возглавляющие группу, становятся перевернутым треугольником. Теперь они — глаза отряда. Продвигаясь вперед небольшими размеренными шагами, они прощупывают почву, вдыхают воздух, осматривают мох. Если ничего подозрительного не обнаруживается, они

посылают обонятельное сообщение, означающее: «Опасности нет!» Затем разведчики возвращаются в арьергард, их сменяют «новенькие». Такая система ротации делает группу одним длинным существом, чей «нос» всегда остается сверхчувствительным.

«Опасности нет!» — звонко звучит двадцать раз. Двадцать первый прерван тошнотворной фальшивой нотой. Один из разведчиков неосторожно подошел к плотоядному растению. Дионея. Муравья привлек одуряющий аромат, и его лапки приклеились к смоле. Теперь все пропало. Прикосновение к ворсинкам включает механизм органических петель. Два широких листа с прожилками неумолимо закрываются. Длинная бахрома служит им зубами. Перекрещиваясь, она превращается в прочную решетку. Когда жертва совершенно расплющена, растительный хищник выделяет свои ненасытные ферменты, способные переварить самый жесткий панцирь.

И муравей растворяется. Все его тело превращается в пенящийся сок. Он испускает облачко пара, как сигнал бедствия.

Но, увы, ему уже ничем не поможешь. В долгосрочных экспедициях подобное случается сплошь и рядом. Впору ставить предупредительный знак — «Осторожно, опасность» на подступах к естественной ловушке.

Забыв про эту неприятность, муравьи снова идут по пахучей дороге. Феромоны следов указывают дорогу. Пройдя через заросли, экспедиция движется на запад, по-прежнему придерживаясь 23 градусов относительно солнца в зените. Путники дают себе чутьчуть отдохнуть, когда становится или слишком холодно, или слишком жарко. Они должны торопиться, чтобы не вернуться домой в разгар войны.

Уже бывало так, что участники экспедиции возвращаются и видят, что Город их окружен неприятельскими войсками. А прорывать блокаду всегда нелегко.

Так и есть, они нашли феромон следа, указывающий на вход в пещеру. От поверхности земли поднимается тепло. Разведчики углубляются в каменистую темноту.

Чем ниже они спускаются, тем лучше слышат тихое журчание ручейка. Это источник с теплой водой. Он дымится и сильно пахнет серой.

Муравьи утоляют жажду.

Потом они замечают странное животное: какой-то шарик с лапками. На самом деле это навозный жук, катящий комочек из помета и песка, внутрь которого он отложил яйца. Как легендарный Атлант, он держит на плечах свой мир. Когда почва идет под уклон, шарик катится сам, а жук бежит за ним. Когда нужно подниматься в горку, жук задыхается и скользит, шарик скатывается вниз и за ним надо возвращаться. Странно, что здесь встретился навозный жук. Это скорее теплолюбивое насекомое...

Белоканцы пропускают навозника. Тащить этого толстяка с мощным панцирем тяжело, да и незачем, мясо у него невкусное.

Слева появляется черный силуэт и тут же прячется во впадине скалы. Уховертка. Она-то, напротив, восхитительна. Самый старый солдат среагировал быстрее всех. Он покачнул своим брюшком под шейей, принял позу для стрельбы, удержал равновесие, опершись на задние лапки, интуитивно прицелился и издали выпустил каплю муравьиной кислоты. Едкий сок сорокапроцентной концентрации рассек пространство.

Цель поражена.

Уховертка убита прямо на бегу. И то сказать, муравьиная кислота действует уже при концентрации раствора сорок единиц на тысячу, а уж при сорока процентах из ста убивает наповал. Насекомое падает, все накидываются на его обгоревшее мясо. Осенние разведчики оставили хорошие феромоны. Похоже на то, что здесь есть, чем поживиться. Охота будет удачной.

Муравьи спускаются в артезианский колодец и распугивают каких-то, неизвестных им доселе, подземных жителей. Летучая мышь пытается положить конец их вторжению, но солдаты обращают ее в бегство, окутав облаком муравьиной кислоты.

Но несколько дней напролет отряд прочесывает теплую пещеру, собирая останки маленьких белых насекомых и кусочки зеленоватых грибов. При помощи анальных желез муравьи оставляют новые феромоны следов, которые должны позволить их братьям беспрепятственно охотиться здесь.

Задача выполнена. Пройдя через западные кустарники, они освоили этот район. Тяжело нагруженные съестными припасами, уже собираясь в обратный путь, они водружают в пещере химическое Федеральное знамя. Его запах плещется на ветру: «Бел-о-кан!»

— Повторите, пожалуйста!

— Уэллс, племянник Эдмона Уэллса.

Дверь открылась, и в нее вошел великан двухметрового роста.

— Господин Язон Брагель?.. Извините за беспокойство, но я хотел бы поговорить с вами о своем дяде. Я его не знал, а моя бабушка сказала мне, что вы были его лучшим другом.

— Ну, заходите... Так что конкретно вас интересует?

— Все. Я не знал его и очень об этом сожалею...

— М-м-м. Понятно. В любом случае, Эдмон был из тех, кого называют «ходячей тайной».

— Вы его хорошо знали?

— Как можно утверждать, что ты кого-то хорошо знаешь? Скажем так, нам нравилось часто проводить время вместе.

— Как вы познакомились?

— На факультете биологии. Я работал с растениями, он — с бактериями.

— Еще два параллельных мира.

— Да, только мой все-таки более дикий, — уточнил Язон Брагель, демонстрируя гостю настоящий лес, буйно разросшийся по всей его столовой. — Видите? Все это конкуренты, готовые убить друг друга за лучик света или за каплю воды. Как только листок оказывается в тени, растение забрасывает его, соседние листья разворачиваются шире. Вот уж действительно закон джунглей...

— А бактерии Эдмона?

— Он сам заявлял, что всего лишь занимается своими предками. Ну, углублялся больше, чем обычно, в изучение своего генеалогического древа...

— А почему бактерии? Почему не обезьяны, не рыбы?

— Он хотел изучить клетку на самом примитивном этапе развития. Он считал человека лишь конгломератом клеток, поэтому хотел постичь «психологию» частицы, для того чтобы понять функционирование целого. Кто-то из великих сказал, что большая, сложная проблема — это всего лишь сумма маленьких, простых проблем. Он понимал это изречение буквально.

— Он работал только с бактериями?

— О нет. Он был мистиком в своем роде, настоящим энциклопедистом, хотел знать все. У Эдмона были свои странности. Например, он хотел управлять ритмом биения своего сердца.

— Но это невозможно!

— Да вроде бы некоторым индийским и тибетским йогам такой подвиг по плечу.

— А зачем это нужно?

— Не знаю... Он хотел научиться этому, чтобы иметь возможность умереть по своей воле, просто остановив свое сердце. Эдмон думал, что так он сможет выйти из игры в любой момент.

— Зачем?

— Может быть, он боялся старости.

— М-да... А чем он занимался после окончания факультета?

— Эдмон ушел работать в частную фирму, производящую живые бактерии для йогуртов. «Суитмилк корпорейшн». Там у него дела пошли хорошо. Он открыл бактерию, которая улучшала не только вкус, но и запах йогурта! Получил премию за лучшее изобретение шестьдесят третьего года...

— А потом?

— Потом Эдмон женился на китаянке, Линг Ми ее звали. Это была веселая, нежная девушка. Она быстро смягчила его суровый нрав. Эдмон души в ней не чаял. Встречаться мы, как водится, стали реже. Ну, как обычно.

— Я слышал, что он уезжал в Африку.

— Да, но он уехал после.

— После чего?

— После трагедии. У Линг Ми открылась лейкемия. Это приговор. Через три месяца она умерла. Бедный... Он-то утверждал, что люди ему неинтересны и что его волнуют только клетки... Урок был жестоким. И поделаться он ничего не мог. А тут еще Эдмон из-за чего-то повздорил с коллегами по «Суитмилк корпорейшн». Он ушел с работы и сидел дома в полной прострации. Линг Ми заставила его поверить в человечество, а ее смерть снова сделала беднягу мизантропом.

— Он уехал в Африку, чтобы забыть Линг Ми?

— Может быть. Во всяком случае, чтобы залечить раны. Эдмон с головой ушел в биологические изыскания. Кажется, его захватила какая-то научная материя. Не скажу наверняка, что это было, но точно не бактерии. Скорее всего, он поехал в Африку потому, что там было легче изучать эту тему. Эдмон прислал мне открытку, в ней он писал только о том, что работает в Национальном центре научных исследований, вместе с неким профессором Розенфельдом. Я этого господина не знаю.

— А потом вы видели Эдмона?

— Да, один раз, случайно встретились на Елисейских полях. Мы поговорили немного. У него явно снова появился вкус к жизни. Но он был очень уклончив и ответов на все мои более-менее профессиональные вопросы не давал.

— Он вроде бы еще энциклопедию писал.

— Да, это было раньше. Фундаментальный труд. Хотел собрать все знания в одной книге.

— Вы ее видели?

— Нет. И я не думаю, чтобы Эдмон ее кому-то показывал. Да будь его воля, он закопал бы ее в дебрях Аляски, а стеречь поставил огнедышащего дракона. С него станется. Было в Эдмоне что-то от «великого колдуна».

Джонатан собрался уходить.

— Да! Еще вопрос: вы знаете, как из шести спичек сложить четыре равнобедренных треугольника?

— Еще бы. Это любимый тест Эдмона на уровень интеллектуального развития.

— Ну и как же? Язон расхохотался.

— А вот этого я вам нипочем не скажу! Как говорил Эдмон: «Каждый сам находит свой путь». Вот увидите, самому найти ответ куда как приятнее.

Когда несешь на спине много мяса, обратный путь кажется гораздо длиннее, чем дорога к цели путешествия. Отряд идет быстрым шагом, надеясь попасть домой до того, как стемнеет и похолодает.

С марта по ноябрь муравьи способны работать двадцать четыре часа в сутки без малейшей передышки, но любое понижение температуры их усыпляет. Поэтому экспедиции редко отправляются куда-то дальше, чем на один день.

Город муравьев долго размышлял над этой проблемой. Город знал, как важно расширить территорию для охоты и знакомиться с дальними странами, где растут другие цветы и травы и живут другие существа со своими обычаями.

В восемьсот пятидесятом тысячелетии Би-стин-га, рыжая королева из династии Га (восточная династия, исчезнувшая сто тысяч лет назад), охваченная безумным честолюбием, захотела найти «края» земли. Она послала сотни экспедиций по четырем основным направлениям. Ни одна из них не вернулась. Нынешняя королева, Бело-киу-киуни не настолько кровожадна. Ее любопытство ограничивается маленькими золотистыми жесткокрылыми насекомыми, похожими на драгоценные камни (обитающими далеко на юге), и хищными растениями, которые ей иногда доставляют живыми, прямо с корнями. Она надеется в один прекрасный день их приручить.

Бело-киу-киуни знает, что лучший способ узнать о новых территориях — это по-прежнему расширять Федерацию. Все больше экспедиций на дальнее расстояние, все больше дочерних Городов, все больше аванпостов. Война со всеми, кто хочет помешать этому продвижению.

Конечно, так весь свет быстро покоришь, но политика маленьких, упорных шажков идеально вписывается в общую философию муравьев: «Медленно, но всегда вперед».

Сегодня Федерация Бел-о-кан насчитывает 64 дочерних Города. 64 Города под одним запахом. 64 Города, связанных сетью в 125 километров прорытых дорог и в 780 километров обонятельных тропинок. 64 Города — 64 союзника во время сражений и во время голода.

Концепция Федерации Городов позволяет некоторым Городам специализироваться. И Бело-киу-киуни мечтает о том, что наступит время, когда один Город будет заниматься только зерном, другой — только мясом, третий — только войной.

Но это — в будущем.

Во всяком случае, такая концепция согласовывается с другим основополагающим принципом философии муравьев: «Будущее принадлежит специалистам». Разведчикам еще далеко до аванпостов. Они ускоряют шаг. Когда они снова проходят мимо хищного растения, один солдат предлагает выкорчевать его и отнести Бело-киу-киуни.

Собирается военный совет. Муравьи спорят, выделяя и воспринимая крошечные летучие молекулы запахов. Феромоны. В действительности, это гормоны, отделяющиеся от их тел. Можно представить себе эти молекулы в виде аквариума, где каждая рыбка является словом. Благодаря феромонам муравьи ведут диалоги с бесчисленным количеством нюансов. Судя по нервно дергающимся усикам, дискуссия протекает оживленно.

Это очень обременительно.

Мать не знает этого вида растений.

Мы можем понести потери, станет меньше рук, чтобы нести добычу.

Когда мы приручим хищные растения, они станут особым видом оружия. Всего лишь высадив их в ряд, можно будет противостоять противнику.

Мы устали, скоро ночь.

Муравьи решают отказаться от своего намерения, огибают растение и идут своей дорогой. Когда отряд приближается к цветущей рожице, самец № 327, который идет последним, чувствует запах красной маргаритки. Такой разновидности он никогда не видел. Тут и думать нечего.

Мы не взяли дионею, но мы принесем маргаритку.

Он на мгновение отстает и аккуратно срезает стебель цветка. Чик! Затем, крепко держа

свою находку, он бежит догонять товарищей.

Только товарищей-то больше нет. Первая экспедиция нового года, конечно, находится перед ним, но в каком виде... Да, вот это шок. Лапки № 327 начинают дрожать. Все его друзья лежат мертвыми.

Что же могло произойти? Атака должна была быть мгновенной. Они не успели встать в боевую позицию, они по-прежнему вытянулись в виде «змеи с большой головой».

Он осматривает тела. Никто не выстрелил кислотой. У рыжих муравьев даже не было времени выделить феромоны тревоги.

№ 327 начинает расследование.

Он осматривает усики одного из собратьев. Обонятельный контакт. Никакого химического изображения. Они шли себе — и вдруг как отрезало.

Надо понять, надо понять. Несомненно, есть объяснение. Сначала надо прочистить сенсорный аппарат. При помощи двух изогнутых когтей передней лапки № 327 скребет свои фронтальные стерженьки, убирая едкую пену, появившуюся от волнения. Он сгибает их в направлении рта и лижет. Вытирает их маленькой шпорой-щеткой, что скорая на выдумку мать-природа проделала поверх его третьего локтя.

Потом опускает чистые усики на уровень глаз и медленно приводит их в движение частотой 300 вибраций в секунду. Ничего. Он набирает обороты: 500, 1000, 2000, 5000, 8000 вибраций в секунду. Он использует уже две трети своих воспринимающих способностей.

В мгновение ока он чувствует самые легкие ароматы, плывущие вокруг: пар росы, пыльцу, споры и еще какой-то едва уловимый запах, смутно ему знакомый, но не поддающийся идентификации.

Он еще «прибавляет газу». Максимальная мощность: 12 000 вибраций в секунду. Вращаясь, его усики образуют всасывающие потоки воздуха, притягивающие всю пыль.

Есть: он узнал этот легкий запах. Это запах виновных. Да, это могут быть только они, беспощадные северные соседи, уже доставившие им столько забот в прошлом году. Они: муравьи-карлики из Ши-гае-пу...

Значит, они тоже уже проснулись. Должно быть, они устроили засаду и применили новое молниеносное оружие.

Нельзя терять ни секунды, надо поднимать по тревоге всю Федерацию.

« — Их убил лазерный луч очень большой амплитуды, шеф.

— Лазерный луч?

— Да, новое оружие, поражающее на расстоянии наши самые большие корабли. Шеф...

— Вы думаете, что это...

— Да, шеф, только венеряне способны на такое. Это их почерк.

— Если это так, возмездие будет ужасным. Сколько у нас осталось боевых ракет в кольце Ориона?

— Четыре, шеф.

— Этого недостаточно, надо будет попросить подкрепления...»

— Хочешь еще немного супа?

— Нет, спасибо, — сказал Николя, полностью загипнотизированный зрелищем.

— Ну-ка, давай смотри и в тарелку тоже, или я выключу телевизор!

— Ой, ну мам, ну пожалуйста...

— Тебе еще не надоели эти бредни про маленьких зеленых человечков и планеты с названиями стиральных порошков? — спросил Джонатан.

— Мне интересно. Я уверен, что в один прекрасный день мы увидим пришельцев.

— Не знаю... Столько времени об этом говорят!

— К самой близкой звезде послали зонд, «Марко Поло» называется. Скоро мы узнаем, кто наши соседи.

— Ничего из этого не выйдет, раньше тоже посылали зонды и все впустую, только космос засоряли. Я ведь тебе уже говорил, это слишком далеко.

— Может быть, но кто тебе сказал, что пришельцы не прилетят к нам сами? Ведь до сих пор никто так и не знает, откуда взялись все эти НЛО.

— Даже если так, зачем нам встречаться с другими мыслящими существами? В конце концов, дело кончится войной. Тебе не кажется, что у землян и без того хватает проблем?

— Это было бы так интересно. Может быть, мы стали бы ездить на каникулы в новые места.

— Появились бы в основном новые заботы. Джонатан взял Николая за подбородок.

— Ладно, сынок, когда ты подрастешь, то поймешь, что единственное действительно необыкновенное существо, чей разум отличается от нашего, это... женщина!

Люси для виду запротестовала, а затем рассмеялась вместе с мужем. Николай насупился. Ну и шуточки у этих взрослых... Чтобы успокоиться, он стал искать рукой собачью шерстку. Под столом не было никого.

— А где Уарзат?

В столовой собаки не было.

— Уарзи! Уарзи!

Николай засвистел в четыре пальца. Обычно после этого пудель сразу давал о себе знать: слышался лай, а за ним стук когтей по полу. Николай снова засвистел — безрезультатно. Он отправился искать собаку по многочисленным комнатам квартиры. Родители присоединились к нему. Пуделя нигде не было. Входная дверь была закрыта. Пес не мог выйти сам, отпирать и запирать двери он как-то еще не научился.

Почему-то все направились на кухню, а точнее, к двери в подвал. Щель все еще не заделали. И она была достаточно широкой, чтобы Уарзат в нее пролез.

— Он там, я уверен, что он там! — застонал Николай. — Надо идти за ним.

Как будто в ответ на эти слова из подвала послышалось отрывистое тьяканье. Но слышалось оно очень издалека.

Они подошли к запретной двери. Джонатан преградил жене и сыну дорогу своим телом.

— Я сказал, в подвал ходить нельзя!

— Дорогой, — ответила Люси, — надо идти искать собаку. Почем знать, может, на нее напали крысы. Ты же сам говорил, что там крысы...

Лицо Джонатана окаменело.

— Черт с ней, с собакой. Завтра купим новую. Мальчик остолбенел.

— Папа, я не хочу новую! Уарзат — мой друг, ты не можешь вот так бросить его погибать.

— Да что с тобой, — подхватила Люси, — давай я пойду, если ты боишься!

— Ты боишься, папа, ты трус?

Джонатан не выдержал их напора. Он пробормотал: «Хорошо, я пойду, посмотрю» — и отправился за электрическим фонарем. Он осветил щель. Там было темно, что называется, хоть глаз выколи, там была темнота, поглощающая все.

Он вздрогнул. Ему ужасно хотелось убежать. Но жена и сын толкали его в эту пропасть.

Злость переполняла его. Боязнь темноты брала верх.

Николай расплакался.

— Он умер! Я уверен, что он умер! И все из-за тебя!

— Может быть, он ранен, — успокаивала его Люси, — надо пойти посмотреть.

Джонатан снова подумал о письме Эдмона. Тон фразы был категоричным. Но что делать?

Когда-нибудь кто-то из них обязательно не выдержит и спустится вниз. Надо было решаться. Сейчас или никогда. Он вытер ладонью мокрый лоб.

Нет, само это никогда не пройдет. Ему, наконец, представился случай победить свои страхи, сделать шаг, противостоять опасности. Тьма хочет поглотить его? Тем лучше. Он готов идти до конца. В любом случае терять ему больше нечего.

— Я иду!

Он взял свои инструменты и сломал замок.

— Что бы ни случилось, оставайтесь тут, ни в коем случае не ходите меня искать и не зовите полицию. Ждите меня!

— Ты как-то странно говоришь. Это всего-навсего подвал, самый обыкновенный, как в любом доме.

— Сомневаюсь...

Освещенный оранжевым овалом заходящего солнца самец № 327, единственный, оставшийся в живых из первой весенней охотничьей экспедиции, бежит один. Один как перст.

Лапки его скользят в лужах, грязи и прошлогодних листьях. Ветер высушил его губы. Пыль покрыла янтарным слоем его тело. Он не чувствует больше своих мускулов. Большинство его когтей сломано.

№ 327 спешит. Он уже различает близкую цель в конце обонятельного пути. С каждым шагом растет среди пригорков белоканских Городов, приближается к нему необъятная пирамида Бел-о-кана. Материнский Город — пахучий, вдохновляющий и завораживающий маяк.

№ 327 достигает, наконец, подножия величественного муравейника, поднимает голову. Его Город вырос еще больше. Начато строительство нового защитного слоя купола. Вершина горы из веточек бросает вызов луне.

Молодой самец в мгновение ока находит на уровне земли еще открытый вход и кидается в него.

И вовремя. Все рабочие и солдаты, работавшие снаружи, уже вернулись. Охранники собираются запирать муравейник, чтобы сохранить внутри тепло. Как только № 327 переступает порог, каменщики начинают работу, дверь за ним закрывается. Практически захлопывается.

Вот и все, ничего не осталось от холодного, варварского внешнего мира. № 327 снова окунулся в цивилизацию. Теперь он может отдохнуть и раствориться в недрах Племена, Он больше не один, его много.

Подходят часовые. Они не узнают самца под слоем пыли. Он быстро выделяет опознавательный запах и успокаивает их.

Какой-то рабочий замечает исходящий от него запах усталости. Он предлагает самцу № 327 трофаллаксию, ритуальный дар своего тела.

Каждый муравей имеет в брюшной полости особый карман, по сути, второй желудок, который не переваривает пищу. Это своего рода кладовая для общественных нужд. Пища может долго храниться в нем, оставаясь совершенно свежей и нетронутой. По мере необходимости муравей срыгивает ее и отправляет в нормальный, переваривающий желудок. Или выплевывает и угощает соплеменника.

Жесты всегда одинаковы. Угощающий муравей приближается к объекту трофаллаксии и похлопывает его по голове. Если принимающий муравей согласен, он опускает усики. Или же, наоборот, высоко поднимает их в знак отказа. Значит, соплеменник не так уж голоден.

Самец № 327 не колеблется. Его энергетические резервы настолько истощены, что он, того

гляди, застынет, как в столбняке. Муравьи сближают свои рты. Пища поднимается.

Угощающий муравей срыгивает сначала слюну, потом молочко и зерновую кашку. Очень вкусно и хорошо восстанавливает силы.

Угощение заканчивается, самец отодвигается. Он вспоминает обо всем. Погибшие. Засада. Нельзя терять ни секунды. Он поднимает усики и распыскивает вокруг себя информацию в виде крошечных капелек.

Тревога. Война. Карлики уничтожили нашу первую экспедицию. У них новое оружие разрушительной силы. Боевая тревога. Война объявлена.

Приближается патруль. Запахи тревоги действуют им на нервы. Вокруг № 327 собирается толпа.

Что такое?

Что происходит?

Он говорит, что объявлена война.

А доказательства у него есть?

Отовсюду сбегаются муравьи.

Он говорит о новом оружии и уничтоженной экспедиции.

Это серьезно.

А доказательства у него есть?

Самец теперь в центре клубка муравьев.

Тревога, тревога, война объявлена, боевая тревога!

А доказательства у него есть?

Эта обонятельная фраза повторяется всеми.

Нет, у него нет доказательств. Он был так потрясен, что не подумал о том, чтобы принести их. Движение усиков. Головы с сомнением покачиваются.

Где это произошло?

На запад от Ла-шола-кана, на полпути между новым пунктом охоты, открытым разведчиками, и нашими Городами. Зона, где часто встречаются патрули карликов. Это невозможно, наши разведчики вернулись. Они ясно говорят: карлики еще не проснулись!

Этот феромон выделяют какие-то неизвестные усики. Толпа рассеивается. Этим усикам поверили. А ему, № 327, не поверили. В чем-то его рассказ похож на правду, но все-таки это невероятно. Никогда весенние войны не начинаются так рано. Со стороны карликов было бы безумием нападать, пока они еще даже не все проснулись.

Каждый возвращается к своему занятию, не обращая внимания на информацию, переданную самцом № 327.

Единственный выживший из первой охотничьей экспедиции потрясен. Черт возьми, не могли же убитые ему померещиться! Муравьи должны заметить, что их стало меньше.

Его усики нелепо спадают ему на лоб. Он испытывает унижительное чувство собственной ненужности. Чувство, что он живет не для других, а только для себя. Он вздрагивает от ужаса при этой мысли. Он бросается вперед, лихорадочно бежит, собирает рабочих, берет их в свидетели. Никто не хочет остановиться даже тогда, когда он выделяет ритуальную формулу:

Я—разведчик, я был лапкой.

На месте я был глазами.

Вернувшись, я стал побудительным стимулом.

Всем наплевать. Его слушают без внимания. Потом спокойно уходят. Хватит нас будоражить!

Джонатан спустился в подвал четыре часа назад. Его жена и сын извелись от беспокойства.

— Мам, давай позовем полицию?

— Нет, не сейчас.

Люси подошла к двери в подвал.

— Папа умер? Мама, скажи, папа умер так же, как и Уарзи?

— Да что ты, сыночек, что за глупости ты говоришь! У Люси на душе кошки скребли. Она наклонилась, вглядываясь в щель. При свете мощной, недавно купленной, галогенной лампы ей казалось, что она различает вдаль... винтовую лестницу.

Люси села на пол. Николая уселся рядом. Она обняла его.

— Он вернется, надо потерпеть. Он просил нас ждать, подождем еще.

— А если он больше не вернется?

№ 327 устал. Ему кажется, что он плывет против течения. Он тратит силы, но вперед не продвигается.

Он решает обратиться к самой Бело-киу-киуни. Матери четырнадцать зим, у нее огромный опыт, а бесполое муравьи, костяк населения муравейника, живут три года максимум. Она одна может помочь ему распространить информацию. Молодой самец идет самой короткой дорогой, ведущей в сердце Города. Тысячи рабочих муравьев, нагруженных яйцами, семят по этой широкой галерее. Они поднимают свой груз с сорокового подземного этажа в ясли солария, расположенные на тридцать восьмом надземном этаже. Огромный поток белых круглых скорлупок в лапках муравьев движется снизу вверх и справа налево.

Ему надо идти в противоположном направлении. Это нелегко. № 327 задевает нескольких кормилиц, и те возмущенно кричат на грубияна. Его самого толкают, топчут, отпихивают, царапают. К счастью, коридор заполнен не под завязку. Самцу удается расчистить себе дорогу в этой кишасей толпе.

Затем он выбирает тоннели поменьше, так дорога длиннее, но легче, он трусит быстрым шагом. Из крупных артерий он переходит в мелкие, из них — в вены и тоненькие жилки. Он преодолевает километры, проходит мосты, арки, пересекает пустые и запруженные толпой площади.

Самец № 327 легко ориентируется в потемках, благодаря своим трем фронтальным инфракрасным глазкам. Чем ближе подходит он к запретному Городу, тем сильнее становится сладковатый запах Матери. Охранников становится все больше. Тут представлены все подкасты солдат всех размеров и со всеми видами оружия. Малыши с длинными исцарапанными мандибулами, здоровяки с твердым, как дерево, тораксом, приземистые богатыри с короткими усиками, артиллеристы, чьи вытянутые брюшки наполнены ядом, вызывающим конвульсии.

Обладатель всех необходимых опознавательных запахов, самец № 327 беспрепятственно проходит через посты заграждения. Солдаты спокойны. Чувствуется, что большие войны за обладание территориями еще не начались.

Уже почти достигнув цели, № 327 выделяет свой опознавательный запах перед привратником, потом проходит последний коридор, ведущий к королевской ложе.

На пороге он останавливается, потрясенный красотой неповторимого места. Это большой круглый зал, построенный с непогрешимой точностью по архитектурным и геометрическим законам, тайну которых королевы матери передают своим дочерям из усиков в усики.

Главный свод насчитывает двенадцать голов в высоту и тридцать шесть голов в диаметре (голова — принятая в Федерации единица измерения, равная трем миллиметрам в человеческих единицах измерения). Цементные пилястры поддерживают этот храм насекомых, созданный

так, чтобы, благодаря вогнутой форме пола, пахучие молекулы, выделенные индивидуумом, отталкивались и как можно дольше не впитывались стенами. Это удивительный обонятельный амфитеатр.

В центре его отдыхает толстая дама. Она лежит на животе и время от времени протягивает свою лапку к желтому цветку. Иногда цветок с сухим стуком защелкивается. Но лапка уже в безопасности.

Эта дама — Бело-киу-киуни.

Бело-киу-киуни, последняя королева рыжих муравьев центрального Города.

Бело-киу-киуни, единственная производительница духа и тела Племена.

Бело-киу-киуни, которая правила уже в эпоху большой войны с пчелами, в эпоху завоевания южных термитников, во время восстановления мира с территорией пауков, в эпоху страшной изнурительной войны, навязанной дубовыми осами. В прошлом году она координировала усилия Городов, направленные на сопротивление северным пограничным притязаниям муравьев-карликов.

Бело-киу-киуни, побившая рекорды долголетия.

Бело-киу-киуни, его мама.

Эта живая легенда здесь, совсем рядом с ним, как и раньше. Только теперь ее ласкают и увлажняют слюной двадцать молодых услужливых рабочих, а раньше он, № 327, ухаживал за ней своими маленькими, еще неловкими лапками.

Молодое плотоядное растение щелкает челюстями, Мать испускает скромную обонятельную жалобу. Никто не знает, откуда у нее эта слабость к растительным хищникам.

№ 327 приближается. Вблизи Мать не очень красива. У нее вытянутый череп, снабженный двумя огромными шаровидными глазами, которые, кажется, смотрят во все стороны одновременно. Ее инфракрасные глазки сгруппированы в середине лба. Ее усики, наоборот, расставлены слишком широко. Они очень длинные, очень легкие и вибрируют короткими, прекрасно рассчитанными толчками.

Уже много дней назад Бело-киу-киуни восстала из великого сна, с тех пор она не прекращает нести яйца. Ее брюшко, в десять раз толще, чем у остальных муравьев, подергивается от непрерывных судорог. Сейчас она откладывает восемь маленьких яиц, светло-серых, с жемчужным отливом, последнее поколение белоканцев. Будущее, круглое и липкое, покидает ее лоно и катится по полу. Его тут же подхватывают кормилицы.

Молодой самец узнает запах этих яиц. Это бесполое солдаты и самцы. Холодно, и железа, производящая «девочек», еще не активизировалась. Как только позволит погода, Мать будет производить столько яиц каждой касты, сколько необходимо Городу. Рабочие примутся сообщать ей, что не хватает мукомолов или артиллеристов, и она станет поставлять их по заявке. Бывает, что Бело-киу-киуни выходит из ложи и вдыхает запах коридоров. Ее усики достаточно чувствительны, чтобы уловить малейшую недостачу в той или иной касте. И она тут же пополняет личный состав.

Мать производит на свет еще четыре маленьких подразделения солдат, потом поворачивается к своему гостю. Она трогает его и лижет. Контакт с королевской слюной — всегда особое событие. Эта слюна — не только универсальное дезинфицирующее средство, но еще и настоящая панацея от всех болезней, кроме тех, конечно, что находятся в голове.

Если Бело-киу-киуни и не узнает персонально каждого из своих бесчисленных детей, то этим «слонным» приветствием она показывает, что узнала запах. Он свой.

Усиковый диалог может начаться.

Добро пожаловать в лоно Племена. Ты покинул меня, но ты снова возвращаешься.

Это ритуальная фраза Матери, адресованная детям. Сказав ее, королева спокойно вдыхает

феромоны его одиннадцати сегментов. Ее безмятежность передается молодому самцу № 327... Она уже поняла, что его к ней привело... Первая экспедиция на Запад полностью уничтожена. Вблизи от места катастрофы пахло муравьями-карликами. Скорее всего они открыли новое секретное оружие.

Он—разведчик, он был лапкой.

На месте он был глазами.

Вернувшись, он стал побудительным стимулом.

Конечно. Но загвоздка в том, что он не может поднять Племя. Его запахи никого не убеждают. Он надеется, что Бело-киу-киуни знает, как передать сообщение и объявить тревогу.

Мать принюхивается к нему с удвоенным вниманием. Она улавливает малейшие летучие молекулы, исходящие от его суставов и лапок. Да, есть следы крови и тайны. Это может быть и войной... Но вполне может ею и не быть.

Она дает ему понять, что, в любом случае, не обладает никакой политической властью. В Племени решения принимаются коллективно: формируются рабочие группы, которые занимаются проектами по своему выбору. Если он не может создать нервный центр, то есть организовать группу, опыт Матери для него бесполезен.

И она даже не может ему помочь.

Самец №327 настаивает. Наконец-то у него есть собеседница, готовая выслушать все, он изо всех сил выделяет самые соблазнительные молекулы. По его мнению, эта катастрофа должна стать первоочередной заботой. Надо сейчас же послать разведчиков, чтобы попытаться узнать, что представляет из себя секретное оружие.

Бело-киу-киуни отвечает, что Племя изнемогает под гнетом «первоочередных забот». Еще не закончено весеннее пробуждение, не достроен наружный слой Города. Пока последняя ветка покрытия не будет уложена, начинать войну опасно. К тому же Племени не хватает белков и сахара. Наконец, пора уже понемногу готовиться к празднику Возрождения. Это требует от каждого максимальной отдачи сил... Даже разведчики перегружены. Этим и объясняется то, что его сигнал тревоги не может быть услышан.

Пауза. Слышно только чмоканье рабочих, которые вылизывают панцирь Матери. А она снова принялась теревить свое хищное растение. Она изгибается, чуть ли не прячет брюшко под торакс. Свисают только две передние лапки. Когда растительные челюсти захлопываются, она успевает быстро убрать лапку. Потом призывает №327 в свидетели того, какое бы это было великолепное оружие.

Можно было бы высадить стену из хищных растений для защиты всей северо-западной границы. Вот только пока эти маленькие чудовища не умеют отличать жителей Города от чужаков...

№ 327 возвращается к теме, которой он одержим. Бело-киу-киуни спрашивает его о том, сколько граждан погибло во время «несчастливого случая». Двадцать восемь. Все из подкасты солдат-разведчиков? Да, он был единственным самцом в экспедиции. Королева сосредоточивается и последовательно откладывает двадцать восемь жемчужин, таких же, какими были и уничтоженные братья.

Двадцать восемь муравьев погибли, эти двадцать восемь яиц их заменят.

Однажды, с роковой неизбежностью, чьи-то пальцы лягут на эти страницы, чьи-то глаза прочтут эти слова, чей-то рассудок воспримет их смысл.

Я не хочу, чтобы этот миг наступил слишком рано. Последствия могут быть ужасными.

И сейчас, когда я пишу эти фразы, я все еще борюсь за то, чтобы сохранить свой секрет.

Тем не менее, необходимо, чтобы однажды стало известно все, что произошло. Даже очень хорошо спрятанные тайны в конце концов становятся явью озера. Время—их злейший враг.

Кто бы вы ни были, прежде всего, я вас приветствую. В то время, когда вы читаете мои строки, я, скорее всего, мертв уже добрый десяток, если не сотню, лет. По крайней мере, я на это надеюсь. Иногда я сожалею о том, что получил это знание. Но я человек, и, даже если моя родовая солидарность находится в данный момент на самой низкой ступени развития, я помню свой долг. Свои обязанности, наложенные на меня лишь тем уже, что я родился однажды среди вас, людского рода вселенной. Я должен передать свою историю.

Все истории похожи, если изучить их поближе. Сначала «будущий» герой спит. Потом он переживает кризис. Этот кризис провоцирует реакцию героя. В зависимости от того, какой была его реакция, он умирает или начинает развиваться. Первая история, которую я вам расскажу, это история нашей вселенной. Потому что мы в ней живем. И потому что все в большом и в малом, подчиняется одним и тем же законам и связаны узами взаимозависимости.

Например, вы переворачиваете страницу, вы прикасаетесь указательным пальцем к целлюлозе бумаги. От этого контакта происходит неуловимое нагревание. Но оно, тем не менее, вполне реально. Это нагревание вызывает движение электрона, который уходит из орбиты своего атома и ударяется о другую частицу. Но эта частица, на самом-то деле, «относительно» себя самой, огромна. И столкновение с электроном для нее—настоящее потрясение. До этого она была инертной, пустой и холодной. Из-за того, что вы перевернули страницу, она пережила кризис. Ее лизжут гигантские языки пламени. Своим незначительным жестом вы дали начало событиям, последствия которых вы никогда не узнаете. Может быть, родились миры, а в них—люди, и эти люди изобретут металлургию, прованскую кухню и межпланетные путешествия. Они даже могут оказаться умнее нас. И они никогда бы не существовали, если бы к вам в руки не попала бы эта книга, и если бы ваш палец не произвел бы нагревание именно в этом месте листа бумаги.

Точно так же и наш мир находится, несомненно, в уголке книжной страницы, в подошве ботинка или в пивной пене поверх кружки из какой-то другой гигантской цивилизации.

Наше поколение уже не сможет это проверить. Но мы знаем, что когда-то наша вселенная, или, может быть, частица, включающая нашу вселенную, была пустой, холодной, черной, неподвижной. Потом что-то (или кто-то) спровоцировало кризис. Перевернули страницу, наступили на камень, сдули пену с пивной кружки. Произошла какая-то катастрофа. Наша частица проснулась. У нас, мы знаем, это был огромный взрыв. Его называли BigBand.

Каждую секунду, быть может, рождается мир, неизмеримо большой, неизмеримо маленький, неизмеримо далекий, но подобный нашему, родившемуся более пятнадцати миллиардов лет назад. Мы не знаем других миров. Но о нашем нам известно то, что он ведет начало со взрыва самого «маленького» и самого «простого» атома: водорода.

Представьте же себе это огромное пространство тишины, вдруг разбуженное исполненным взрывом. Зачем сдули пену с пива? Не важно. Важно то, что водород загорается, взрывается, пышет жаром. Мощный свет пронизывает нетронутый доселе космос. Кризис. То, что было недвижимо, приходит в движение. То, что было холодным, нагревается. То, что хранило безмолвие, обретает голос.

Потом изначальное пожарище водорода трансформируется в гелий, в атом чуть посложнее водорода. Но уже из этого можно вывести первое важное правило игры нашей вселенной: ВСЕГДА К БОЛЕЕ СЛОЖНОМУ.

Правило это кажется очевидным. Но ничто не говорит о том, что в соседних вселенных

оно такое же. Там, быть может, это ВСЕГДА К БОЛЕЕ ГОРЯЧЕМУ, или ВСЕГДА К БОЛЕЕ ТВЕРДОМУ, или ВСЕГДА К БОЛЕЕ СМЕШНОМУ.

У нас тоже все может становиться более горячим, или более твердым, или более смешным, но это не изначальное правило. Это, что называется, постольку-поскольку. Наше коренное правило, на котором зиждутся все остальные, звучит так: ВСЕГДА К БОЛЕЕ СЛОЖНОМУ.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Самец № 327 бредет по южным коридорам Города. Он не обрел покоя. Он повторяет знаменитую фразу:

Он—разведчик, он был лапкой.

На месте он был глазами.

Вернувшись, он стал побудительным стимулом.

Почему она не действует? Где ошибка? Его тело кипит от переданной информации. Он чувствует, что Племя пострадало и даже не заметило этого. А стимул боли — это он. Он должен заставить Город отреагировать.

О, как тяжело держать в себе послание страдания и не находить усиков, которые захотели бы его воспринять. Он так мечтает освободиться от этого бремени, разделить с другими страшное знание.

Рядом с ним проходит муравей — посланец тепла. Чувствуя, каково на душе у собрата, он думает, что тот неудачно проснулся, и предлагает ему солнечных калорий. Они придают № 327 немного сил, которые он тут же использует, чтобы попытаться убедить соплеменника. *Тревога, карлики устроили засаду и перебили всю нашу экспедицию, тревога!*

Но № 327 растерял даже те крохи правдоподобия, которыми обладал вначале. Посланец уходит, как ни в чем не бывало. № 327 не отступает. Он бежит по коридорам, испуская послание тревоги.

Иногда воины останавливаются, слушают его, даже начинают разговаривать, но его слова о разрушительном оружии кажутся чистейшим вымыслом. И группа, способная выполнить военное задание, не формируется.

И № 327 понуро бредет дальше.

Неожиданно, проходя пустынным тоннелем четвертого подземного этажа, он различает шум позади себя. Кто-то его преследует.

Самец № 327 оборачивается. Своими инфракрасными глазками он исследует коридор. Он видит черные и красные пятна. Никого. Странно. Он, наверное, ошибся. Но шаги снова раздаются позади него. Цок... цок-цок... цок... цок-цок. Это кто-то, кто хромает на две лапки из шести, и этот кто-то приближается.

Чтобы увериться в своей правоте, № 327 оборачивается на каждом перекрестке, потом выжидает. Шаги замолкают. Как только он трогается с места, они звучат опять: цок... цок-цок... цок... цок-цок.

Сомнений нет — его преследуют.

Кто-то, кто прячется, когда № 327 оборачивается. Странное поведение, совершенно непонятное. Зачем одной клетке Племени тайно преследовать другую? Здесь все вместе, никто ничего не скрывает.

Но незримое присутствие не становится от этого менее ощутимым. По-прежнему на расстоянии, по-прежнему скрытое. Цок... цок-цок... цок... цок-цок. Как реагировать? Когда он был еще личинкой, кормилицы учили его тому, что всегда нужно идти навстречу опасности. Он останавливается и делает вид, что моется. Преследователь теперь недалеко. № 327 почти чувствует его. Делая вид, что умывается, №327 шевелит антеннами. Есть, он воспринимает обонятельные молекулы преследователя. Это маленький солдат, возраст — один год. Он выделяет странный запах, перекрывающий обычные опознавательные запахи. На что он похож, сразу и не скажешь — пожалуй, так пахнут камни скалы.

Маленький солдат больше не прячется. Цок... цокцок... цок... цок-цок. № 327 видит его в инфракрасном излучении. Солдатику действительно не хватает двух лапок. Запах камней скалы становится сильнее.

№ 327 выделяет:

Кто там?

Ответа нет.

Почему вы меня преследуете?

И этот вопрос остается без ответа.

№ 327 решает выбросить этот случай из головы и снова пускается в путь, но вскоре обнаруживает, что навстречу ему идет еще один незнакомец. На сей раз это большой солдат. Галерея узкая, они не разойдутся.

Повернуть? Это значит встретиться с хромым, который, кстати, торопится к самцу. № 327 в ловушке.

Теперь он чувствует — это два воина. И оба несут с собой запах камней скалы. Большой солдат раскрывает свои длинные клешни.

Это западня!

Немыслимо, чтобы один муравей Города хотел убить другого. Расстройство иммунной системы? Они не узнали его опознавательные запахи? Они принимают его за чужака? Это так же невероятно, как если бы его желудок вдруг взбунтовался против собственных кишок...

Самец № 327 выделяет сильнее прежнего.

Я, как и вы, клетка Племени. Мы — один и тот же организм.

Это молодые солдаты, они, должно быть, ошиблись. Но его послания отнюдь не успокаивают его собеседников. Хромой солдатик прыгает ему на спину и хватается за крылья, а большой солдат зажимает голову мандибулами. И они тащат его, обездвиженного, в сторону свалки.

№ 327 борется. При помощи сегмента для сексуальных диалогов он выделяет разнообразные эмоции, неизвестные бесполом муравьям. Непонимание перерастает в панику.

Чтобы не запачкаться об его «абстрактные» мысли, хромой, по-прежнему вцепившийся в его мезотонум, мандибулами отрезает ему усики. Он уничтожает этим все феромоны № 327, а главное, его опознавательные запахи. Хотя там, куда он отправляется, они ему не больно-то и нужны...

Страшная тройца толчками продвигается по самым безлюдным коридорам. Хромой солдатик методично продолжает свою «генеральную уборку». Похоже на то, что он хочет стереть всю информацию, которую можно считать с самца № 327. Самец больше не сопротивляется. Сломленный, он готовится угаснуть, замедляя биение своего сердца.

«Зачем столько жестокости, столько ненависти, братья мои? Зачем?»

Мы едины, мы одно целое, все мы дети Земли и Господа.

Прекратим на этом наши бессмысленные споры. Двадцать второе столетие будет духовным,

или его не будет вовсе. Оставим наши старые споры, основанные на гордости и двойственности. Индивидуализм — вот наш истинный враг! Если вы оставляете страждущего брата своего умирать с голоду, вы долее недостойны быть частью огромного мирового сообщества. Если погибающий просит у вас помощи и поддержки, а вы закрываете перед ним дверь, вы — не с нами.

Я знаю вас, без зазрения совести одевающихся в шелка! Вы думаете только о брэнном теле, вы хотите славы только для себя — лишь для вас и вашей семьи. Я знаю вас, говорю я вам. Ты, ты, ты и ты! И напрасно вы улыбаетесь перед экранами, ибо то, о чем я говорю, очень серьезно. Я говорю вам о будущем человечества. Так долее продолжаться не может. Такая жизнь бессмысленна. Мы тратим все, мы уничтожаем все. Не стало лесов — их вырубали для того, чтобы делать одноразовые салфетки. Все стало одноразовым: вилки, ручки, одежда, фотоаппараты, машины, и вы сами, не замечая того, тоже становитесь одноразовыми. Отрекийтесь от этой суеты сует. Вы должны сами отречься от нее сегодня, или завтра вас заставят от нее отречься.

Идите к нам, вливайтесь в ряды нашего благочестивого воинства. Все мы солдаты Всевышнего, братья мои».

На экране появилось лицо диктора: «Эта евангельская проповедь была предложена вам преподобным Макдональдом из новой Церкви адвентистов сорок пятого дня и фирмой замороженных продуктов „Суитмилк“. После короткой рекламы вы увидите продолжение научно-фантастического сериала „Я пришелец и горжусь этим“».

Люси не могла, как Николя, отключать сознание перед телевизором. Уже восемь часов, как Джонатан внизу, и ни слуху ни духу!

Ее рука потянулась к телефону. Джонатан велел ничего не предпринимать. А если он погиб или засыпан землей?

Люси еще не решалась спуститься в подвал. Ее рука словно сама собой взяла трубку. Люси набрала номер спасателей.

— Алло, это служба спасения?

— Я же просил тебя никуда не звонить, — раздался из кухни слабый, бесцветный голос.

— Папа! Папа!

Люси положила трубку, из которой слышалось: «Алло, говорите, назовите адрес». Раздался щелчок.

— Ну да, ну конечно, это я, не надо было волноваться. Я же вам велел спокойно меня ждать. Не волноваться?! Да-а...

Джонатан не только держал в руках того, кто был Уарзазатом и стал куском окровавленного мяса. Джонатан изменился сам. Он не казался запуганным или угнетенным, он даже улыбался. Нет, не то, как же его описать? Создавалось впечатление, что он постарел или заболел. Взгляд его был лихорадочным, лицо — мертвенно-бледным, он дрожал и выглядел обессиленным.

Увидев истерзанное тело своего любимца, Николя разрыдался. Можно было подумать, что бедного пуделя изрезали тысячью бритвенных лезвий. Его положили на развернутую газету.

Николя стал оплакивать своего друга. Все было кончено. Никогда больше Уарзазат не будет скакать вдоль стены, услышав слово «кошка». Никогда больше не откроет дверь за ручку в веселом прыжке. Никогда больше Николя не доведется защищать его от больших немецких овчарок.

Уарзазата больше не было.

— Завтра отвезем его на Пер-Лашез, на собачье кладбище, — сказал Джонатан. — Купим ему могилу за четыре с половиной тысячи франков, знаешь, такую, где можно поставить фотографию.

— П-правильно... — всхлипнул Николя, — уж это он заслужил.

— А потом пойдем в Общество защиты животных, и ты выберешь другую собаку. Может, на этот раз, возьмешь себе мальтийскую болонку? Они тоже очень милые.

Люси не могла прийти в себя. Она не знала, с какого вопроса начать. Почему его так долго не было? Что случилось с собакой? Что случилось с ним самим? Хочет ли он есть? Подумал ли он о том, как они волновались?

— Что там внизу? — спросила она наконец без дрожи в голосе.

— Ничего особенного.

— Ты знаешь, на кого ты похож? А собака... Можно подумать, что она угодила в электромясорубку. Что с ней произошло?

Джонатан провел грязной рукой по лбу.

— Нотариус был прав, там внизу полно крыс. Уарзазата разорвали бешеные крысы.

— А ты?

Он усмехнулся.

— Я малость покрупнее, они меня боятся.

— Это безумие! Что ты делал там восемь часов? Что там внизу, в этом проклятом подвале? — вспыхнула Люси.

— Я не знаю, что там внизу. Я до конца не дошел.

— Ты не дошел до конца!

— Нет, там очень-очень глубоко.

— За восемь часов ты не дошел до конца... нашего подвала!

— Нет. Я остановился, когда увидел собаку. Везде была кровь. Ты знаешь, Уарзазат дрался отчаянно. Невероятно, что такой малыш сумел так долго продержаться.

— Где ты остановился? На полдороги?

— Кто его знает? В любом случае дальше я идти не мог. Я тоже боялся. Ты ведь в курсе, что я не выношу темноту и насилие. Любой бы остановился на моем месте. Невозможно все время идти в неизвестность. Ты представить себе не можешь, как там... Как там темно. Там смерть.

Когда он произнес эту фразу, левый угол его рта дернулся в мучительной гримасе. Люси никогда не видела своего мужа таким. Она поняла, что не стоит больше давить на него. Она обняла его за талию и поцеловала в холодные губы.

— Успокойся, все позади. Заколотим дверь и не будем больше об этом говорить.

Он отпрянул.

— Нет. Ничего не закончилось. Я остановился в опасной зоне. Насилие всегда пугает, даже если оно направлено против животных. Любой на моем месте поступил бы так же. Но я должен довести дело до конца, может быть, цель совсем близка...

— Ты что, хочешь туда вернуться?!

— Да. Эдмон там прошел, я тоже пройду.

— Эдмон? Твой дядя?

— Он что-то делал там внизу, я хочу знать, что именно.

Люси подавила стон.

— Пожалуйста, ради меня и Николя, не спускайся туда больше.

— У меня нет выбора.

Губы Джонатана снова дернулись.

— Я всегда все делал наполовину. Я всегда останавливался тогда, когда мой разум говорил мне, что я на волосок от краха. И посмотри, во что я превратился. В человека, который, конечно, ничего не потерял, но который ничего и не достиг. Поскольку я все время доходил до половины пути, я ни разу не проник в суть вещей. Я должен был остаться в слесарной мастерской, пусть бы

на меня напали, пусть переломали бы все ребра. Это было бы крещением, я испытал бы насилие и научился бы с ним бороться. А вместо этого я, как страус, прятал голову в песок и остался большим младенцем.

— Ты бредишь.

— Нет, я не брежу. Нельзя вечно жить в коконе. С этим подвалом мне предоставляется уникальный случай сделать решительный шаг. Если я его не сделаю, я навсегда перестану себя уважать. Кстати, ведь ты сама толкнула меня на это, вспомни-ка.

Джонатан снял запачканную кровью рубашку.

— Не отговаривай меня, мое решение окончательное.

— Ну, хорошо, тогда я пойду с тобой! — заявила Люси, беря электрический фонарь.

— Нет, ты останешься здесь! Муж крепко схватил ее за руки.

— Пусти меня! Да что с тобой? Какая муха тебя укусила?

— Прости, но ты должна понять, подвал — это мое и только мое. Это мой прыжок, это мой путь. И никто не должен вмешиваться, слышишь меня?

Позади них Николая продолжал плакать над останками Уарзазата. Джонатан отпустил запястья Люси и подошел к своему сыну.

— Ну, возьми себя в руки, мальш!

— Я больше так не могу, Уарзи умер, а вы только и делаете, что ссоритесь.

Джонатан решил отвлечь его. Он взял спичечный коробок, вытащил из него шесть спичек и положил их на стол.

— Смотри, я загадаю тебе загадку. Из этих шести спичек нужно сложить четыре равнобедренных треугольника. Пораскинь-ка мозгами, тебе эта задачка по плечу.

Удивленный мальчик шмыгнул носом, слезы высохли. Он тут же начал раскладывать спички разными способами.

— Хочешь, дам тебе совет. Чтобы найти разгадку, нужно думать не так, как всегда. Если размышляешь как обычно, ничего не получается.

Николя сумел сделать три треугольника. Но не четыре. Он поднял свои большие голубые глаза, похлопал ресницами.

— А ты нашел разгадку, папа?

— Нет еще, но я чувствую, что недалек от решения.

Джонатан в мгновение ока успокоил своего сына, но не жену. Люси бросала на него гневные взгляды. И вечером они спорили все так же яростно. Но Джонатан ничего не захотел рассказать о подвале и его тайнах.

На следующий день он встал рано и провел все утро, устанавливая у входа в подвал железную дверь с большим висячим замком. Единственный ключ он повесил себе на шею.

Спасение приходит неожиданно, в виде землетрясения.

Боковой толчок потрясает сначала стены. С потолков обрушивается шквал песка. Затем следует второй толчок, потом третий и четвертый... Глухие содрогания сменяют друг друга, учащаются, приближаются к странной троице. Слышится страшный непрерывный грохот. Все приходит в движение.

Разбуженный тряской молодой самец учащает биение сердца, атакует своих палачей двумя неожиданными ударами мандибул и удирает по вспоротому тоннелю. Перескакивая через трещины, он взмахивает своими еще зачаточными крыльями, чтобы ускорить бег и удлинить прыжки.

Усиливающиеся толчки заставляют его остановиться и, прикинув к земле, переждать песчаный ливень. Целые участки коридоров обрушиваются на нижние этажи. Мосты, арки и

часовни рассыпаются, увлекая за собой в своем падении миллионы изумленных муравьев.

Запахи тревоги первой степени выделяются и распространяются. В течение первого этапа возбуждающие феромоны заполняют верхние галереи. Все, кто чувствует этот запах, немедленно начинают дрожать, пускаются в бегство и выделяют еще более отчаянные феромоны. Так безумие растет как снежный ком.

Облако тревоги распространяется, как туман, проникая во все вены пострадавшего участка, достигая главных артерий. Чуждый объект, попавший в тело Племена, провоцирует то, что тщетно пытался вызвать молодой самец: токсины боли. Мгновенно черная кровь, составленная из толп белоканцев, начинает течь быстрее. Население эвакуирует яйца, находящиеся неподалеку от травмированной зоны. Солдаты перестраиваются в боевые порядки.

Когда самец № 327 оказывается на просторном перекрестке, наполовину запруженном толпой и песком, толчки прекращаются. Наступает тревожная тишина. Все останавливаются, страшась последующих событий. Поднятые усики трепещут. Ожидание. Вдруг навязчивый стук ударов сменяется каким-то глухим рычанием. Все чувствуют, что наружный слой веток Города нарушен. Что-то огромное проникает в купол, разрушает стены, опускается сквозь крышу.

В самой середине перекрестка появляется розовое тонкое щупальце. Оно хлещет воздух и пол со страшной скоростью, стараясь атаковать как можно больше граждан. Так как солдаты бросаются на щупальце, вцепляясь в него мандибулами, на его конце образуется большая черная гроздь. Облепленный муравьями язык взмывает вверх и исчезает для того, чтобы отправить добычу в глотку. Затем появляется снова, еще более длинный, клейкий и молниеносный.

Объявляется тревога второй степени. Рабочие стучат окончанием брюшка по полу, чтобы поднять еще ничего не знающих о драме солдат с нижних этажей.

Весь Город гудит от звуков этого первобытного тамтама. Можно подумать, что «организм» Города прерывисто дышит: тук, тук, тук! Тук... тук... тук, — отвечает чужак, начавший стучать по куполу, чтобы углубиться еще дальше. Все прижимаются к стенам, пытаются спрятаться от взбесившейся красной змеи, мечущейся по галереям. Если улов оказывается небогатым, язык просовывается глубже. Появляется клюв, за ним гигантская голова. Зеленый дятел! Бич весны... Эти прожорливые насекомоядные птицы проделывают в крышах муравьиных Городов скважины глубиной до шестидесяти сантиметров и пируют до отвала.

Время объявлять тревогу третьей степени. Некоторые рабочие, просто обезумев от перевозбуждения, не выражающегося в действиях, начинают исполнять пляску страха. Движения их крайне неритмичны: прыжки, щелканье мандибулами, плевки... Другие, в полной истерике, бегут по коридорам и кусают все, что шевелится. Извращенный результат страха: Город, не в силах уничтожить нападающий объект, начинает уничтожать себя сам.

Катаклизм локализовался на западном верхнем пятнадцатом этаже, но тревога третьей степени привела весь Город в боевую готовность. Рабочие спускаются в самые глубокие подземелья, чтобы спрятать от опасности яйца. Им навстречу идут тесные ряды солдат с поднятыми мандибулами.

За все то время, пока сменялись бесчисленные поколения, Муравьиный Город научился обороняться от таких неприятностей. Среди мечущейся толпы муравьи из касты артиллеристов строятся в отряды и определяют первоочередные задачи.

Они окружают самый уязвимый участок дятла: шею. Они становятся в позицию близкого огня. Их брюшки нацеливаются на птицу. Огонь! Изо всей силы своих сфинктеров они выстреливают струями сверхконцентрированной муравьиной кислоты.

У птицы возникает неожиданное и болезненное ощущение, будто ее шея затянута шарфом из булавок. Птица борется, хочет освободиться. Но она зашла слишком далеко. Ее крылья увязли

в земле и веточках купола. Она снова атакует языком, пытаясь убить как можно больше крошечных противников.

Новый отряд солдат принимает эстафету. Огонь! Дятел дергается. Сейчас это уже не булавки, а иглы. Он нервно стучит клювом. Огонь! Кислота брызгает снова. Птица дрожит, ей уже трудно дышать. Огонь! Кислота разъедает нервные окончания. Птица в западне.

Стрельба прекращается. Отовсюду бегут солдаты с широкими мандибулами, они проникают в раны, оставленные кислотой. С другой стороны остатков купола на поверхность земли вырывается легион солдат, он находит хвост птицы и начинает буравить самый пахучий участок: анальное отверстие. Инженерные войска быстро расширяют проход и проникают во внутренности птицы.

Первому отряду удалось прорвать кожу на горле. Когда потекла красная кровь, выделение феромонов тревоги прекратилось. Битва выиграна. В горле проделано широкое отверстие, туда устремляются целые батальоны. В гортани птицы еще остались живые муравьи. Их спасают.

Потом солдаты проникают внутрь головы, ища ходы, которые им позволят достичь мозга. Один рабочий находит дорогу: сонная артерия. Надо еще определить нужную: ведущую от сердца к мозгу, а не наоборот. Вот она! Четыре солдата рассекают трубопровод и бросаются в красную жидкость.

Увлекаемые сердечным потоком, они скоро достигают середины полушарий мозга. Сейчас они примутся за серое вещество.

Зеленый дятел, обезумев от боли, перекачивается с боку на бок, но он ничего не может сделать с захватчиками, разъедающими его внутренности. Группа муравьев проникла в легкие и выделяет там кислоту. Птица заходится кашлем.

Целый армейский корпус проникает в пищевод, чтобы в пищеварительной системе осуществить стыковку со своими коллегами из анального отверстия, быстро поднимающимися по толстой кишке, разрушая по дороге все органы, до которых можно дотянуться мандибулами. Они копают живое мясо, как они обычно копают землю, берут последовательно приступом зоб, печень, сердце, селезенку и поджелудочную железу так, как они берут крепости.

Иногда несколько муравьев тонут в неожиданном потоке крови или лимфы. Но это случается только с неосторожными, не знающими, где и как нужно надрезать.

Остальные методично продвигаются вперед среди черной и красной плоти. Они умеют отпрыгнуть, чтобы их не раздавили спазмы. Они избегают участков, где находится желчь или желудочный сок.

В конце концов две армии воссоединяются на уровне почек. Птица все еще жива. Ее сердце, исполосованное мандибулами, продолжает посылать кровь по разрушенной системе труб.

Рабочие, не дожидаясь последнего вздоха жертвы, формируют цепочки, передающие из лапок в лапки куски еще трепещущего мяса. Ничто не может устоять перед маленькими хирургами. Когда они начинают распиливать части мозга, дятла сотрясает последняя конвульсия.

Весь Город сбегается, чтобы освежевать монстра. Коридоры кишат муравьями, прижимающими к себе кто перышко, кто пушинку в качестве сувенира.

Уже принялись за работу отряды каменщиков. Они будут реконструировать пострадавшие купол и коридоры.

Со стороны создается впечатление того, что муравейник ест птицу. Проглотив ее, он ее переваривает, распределяет ее плоть и жир, ее перья и кожу в те уголки, где они будут полезнее всего для Города.

Генезис: Как создавалась муравьиная цивилизация? Чтобы это понять, надо вернуться на

сотни миллионов лет назад, к тому моменту, когда на Земле начала зарождаться жизнь.

Насекомые появились одними из первых.

Они казались плохо приспособленными к окружающему миру. Маленькие, хрупкие, они были идеальной добычей для хищников. Чтобы выжить, некоторые из них, например саранча, выбрали путь размножения. Они откладывали так много яиц, что обязательно должны были пережить все.

Другие, например осы и пчелы, выбрали яд, передавая через поколения отравленные жала, делающие их устрашающими.

Третьи, например тараканы, выбрали несъедобность. Специальная железа придавала их плоти такой отвратительный вкус, что никто не хотел их есть.

Четвертые, например богомолы или ночные бабочки, выбрали маскировку. Похожие на травинки или кору, они были незаметными в негостеприимных природных условиях.

Однако в этих первобытных джунглях многие насекомые не нашли своей «уловки» и, казалось, были обречены на исчезновение.

К этим «пасынкам» прежде всего следует отнести термитов. Появившееся около ста пятидесяти миллионов лет назад на земной поверхности травоядное лесное племя не имело никаких шансов на выживание. Слишком много хищников вокруг, слишком мало дано природой, чтобы дать им отпор...

Что же стало с термитами?

Многие погибли, а выжившие оказались в таком тупике, что сумели вовремя найти оригинальное решение: «Не бороться больше поодиночке, создать группы солидарности. Нашим врагам будет труднее бороться с двадцатью термитами, оказывающими сопротивление, чем с одним, пытающимся спастись бегством». Так термиты встали на путь наивысшей сложности, название которому—социальная организация.

Эти насекомые стали жить маленькими ячейками, сначала семейными: сплотившись вокруг Матери-производительницы. Потом семьи стали деревнями, деревни разрослись и превратились в Города. Их Города из песка и цемента вскоре покрыли всю поверхность земного шара.

Термиты стали первыми разумными хозяевами нашей планеты и ее первым обществом.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

Самец № 327 больше не видит двух убийц с запахом скальных камней. Он действительно от них оторвался. Если немного повезет, их может завалить осыпь...

Но надо быть реалистом. До спасения ему еще далеко. У него больше нет никаких опознавательных запахов. Как только он встретит первого воина, его песенка будет спета. Его братья автоматически сочтут его чужеродным телом. Ему даже не дадут ничего объяснить. Выстрел кислотой или удар мандибулами без предупреждения, вот что ждет тех, кто не может выделить опознавательных запахов Федерации.

Это непостижимо. Как же так получилось? Все из-за этих проклятых воинов, как-то связанных с камнями скал. Что на них нашло? Они, наверное, сумасшедшие. Хотя и редко, но бывает, что ошибки в генетическом программировании влекут за собой психологические инциденты такого типа, что-то подобное тому, что случилось с муравьями, которые в истерике нападали на всех во время тревоги третьей степени. Но у этих двоих вид-то был не истерический и не дегенеративный. Казалось даже, что они прекрасно знают, что они делают. Можно даже подумать... Известна только одна ситуация, когда клетки сознательно разрушают другие клетки одного и того же организма. Кормилицы называют это раком. Можно подумать... это были

клетки, пораженные раком.

Этот запах камней скалы в таком случае — запах болезни... Тогда снова надо объявлять тревогу. Теперь самец № 327 должен разгадать две тайны: секретное оружие карликов и раковые клетки в Бел-о-кане. А он не может ни с кем поговорить. Надо подумать. Может быть, в нем самом есть какие-то скрытые ресурсы... Надо что-то делать.

Он решил протереть усики. Смачивание (как странно лизать усики, не чувствуя характерного вкуса опознавательных феромонов), протирка, чистка щеткой локтевого сустава, сушка.

Что же делать, черт подери?

Для начала остаться в живых.

Только одно существо может вспомнить его инфракрасный образ, не нуждаясь в опознавательных запахах, это — Мать. Но запретный Город кишит солдатами. Но и другого выхода нет. В конце концов, разве не гласит старая поговорка Бел-о-кана: «Часто в самой гуще опасности ты находишь спасение».

— Эдмон Уэллс не оставил здесь доброй памяти о себе. Кстати, когда он уходил, никто его не уговаривал остаться.

Это сказал пожилой человек с приятным лицом, один из заместителей директора «Суитмилк корпорейшн».

— Но он, кажется, открыл новую пищевую бактерию, усиливающую аромат йогуртов...

— Это да, надо признать, что в химии у него были неожиданные, гениальные озарения. Но не постоянно, иногда.

— У вас с ним были неприятности?

— Честно говоря, нет. Скорее, можно сказать, что он не влился в команду. Он был в стороне. И хотя его бактерия принесла миллионы, я думаю, что никто здесь никогда по-настоящему его не ценил.

— Вы не могли бы выразиться яснее?

— Над командой стоит начальник. Эдмон не выносил начальников, кстати, и никакой другой формы иерархической власти тоже. Он всегда презирал руководителей, которые только «руководят, чтобы руководить, и ничего не производят», как он говорил. Но все мы вынуждены гнуть спину перед нашими начальниками. В этом нет ничего плохого. Так уж заведено. А он становился в позу. Я думаю, что нас, равных ему по положению, это раздражало даже больше, чем самих начальников.

— Почему он уволился?

— Он поссорился с одним из наших заместителей директора из-за одного дела, в котором, должен признать... он был совершенно прав. Этот заместитель директора рылся в его столе, и Эдмон вспылел. Когда он увидел, что все поддерживают его противника, то был вынужден уйти.

— Но вы только что сказали, что он был прав...

— Иногда выгодней трусливо принять сторону знакомого, хотя и неприятного человека, чем храбро защищать чужака, даже симпатичного. У Эдмона здесь друзей не было. Он не обедал с нами, не ходил пропустить стаканчик, он всегда, казалось, витал в облаках.

— А зачем вы признаетесь мне в вашей «трусости»? Вы могли бы мне этого не рассказывать.

— Видите ли... с тех пор, как он умер, я часто говорю себе, что мы все-таки вели себя неправильно. Вы его племянник, я вам все рассказал и немного облегчил душу...

В глубине узкого прохода можно различить деревянную крепость. Запретный Город. На

самом деле, это корень сосны, вокруг которого возвели купол. Корень — сердце и становой хребет Бел-о-кана. Сердце, так как там находятся королевский дворец и бесценный запас продуктов. Становой хребет, так как он позволяет Городу противостоять дождям и бурям.

Если присмотреться, видно, что стены запретного Города инкрустированы сложными узорами, подобными варварским письменам. Эти коридоры проделаны первыми обитателями корня — термитами.

Когда пять тысяч лет назад Бело-киу-киуни-основательница приземлилась в этих шестах, она сразу на них натолкнулась. Война длилась долго, около тысячи лет, но белоканцы в конце концов победили. И обнаружили Город «из твердого материала», с деревянными, никогда не обрушивающимися коридорами. Они пришли в восторг. Этот корень сосны открыл перед ними новые градостроительные и архитектурные перспективы. Сверху — приподнятая, плоская плита, внизу — корни, уходящие в глубь земли. Это было ну просто идеально. Однако рыжих муравьев наплодилось столько, что корень уже не мог их вместить. Тогда стали рыть подземелья ниже корней. И натащили веток на обезглавленное дерево, чтобы расширить вершину.

Теперь запретный Город почти безлюден. Все, кроме Матери и ее отборных телохранителей, живут на окраинах.

№ 327 приближается к корню осторожными, неровными шагами. Равномерное подрагивание говорит о том, что кто-то идет, а неритмичные звуки могут быть приняты за шуршание осыпающегося песка. Ему остается только надеяться, что он не встретит ни одного солдата. Он начинает ползти. Он всего в двух сотнях голов от запретного Города. Он уже различает десятки проходов в корне, точнее, головы муравьев-привратников, закрывающих эти проходы.

В результате неизвестных генетических извращений у привратников широкие головы, круглые и плоские, что делает их похожими на большой гвоздь, в точности повторяющий формой шляпки окружность отверстия, которое они должны охранять.

Эти живые двери уже доказали свою эффективность. Семьсот восемьдесят лет назад во время войны Земляничных Кустов Город был завоеван желтыми муравьями. Все оставшиеся в живых белоканцы укрылись в запретном Городе, и муравьи-привратники, пятясь, герметично закрыли все входы.

Желтым муравьям понадобилось два дня, чтобы вскрыть эти замки. Привратники не только закрывали доступ в Город, они еще и сражались своими длинными мандибулами. У каждого входа один-единственный привратник удерживал сотню желтых муравьев. В конце концов враги прогрызли хитин на головах привратников и ворвались в Город. Но герои погибли не зря. Другие Федеральные Города получили время, чтобы собрать подкрепление, и через несколько часов Город был освобожден.

Самец № 327, конечно, не собирается в одиночку бороться с привратником. Он рассчитывает воспользоваться моментом, когда двери откроют, например, для того, чтобы выпустить кормилицу с материнскими яйцами. Тогда можно будет проскочить, пока двери еще не закрылись.

Вот как раз голова зашевелилась, она открывает проход... патрулю. Ничего не получилось, бесполезно и пытаться, патруль тут же вернется и убьет его.

Голова привратника снова двигается. № 327 пригибает лапки, готовый прыгнуть. Но нет! Ложная тревога, привратник просто поменял позу. Наверное, тело у него ужасно затекает оттого, что шея все время прижата к деревянному ошейнику.

Ну, была не была, № 327 не может больше ждать. Он бросается на препятствие. Как только он оказывается на расстоянии действия усиков, привратник обнаруживает отсутствие опознавательных феромонов. Он немного отступает, чтобы лучше закрыть отверстие, потом

выделяет молекулы тревоги.

«Чужеродное тело в запретном Городе! Чужеродное тело в запретном Городе!» — повторяет он, как сирена.

Привратник вращает клешнями, чтобы утратить незваного гостя. Он бы прошел вперед, чтобы уничтожить его, но приказ неумолим: прежде всего закрывать вход!

Надо торопиться. У самца есть преимущество: в отличие от своего противника он видит в темноте. № 327 бросается вперед, уворачивается от разыгравшихся, но двигающихся вслепую мандибул и проскакивает дальше, чтобы дотянуться до основания клешней. Он отрубает их одну за другой. Течет прозрачная кровь. Две безобидные культи продолжают двигаться.

Но № 327 по-прежнему не может пройти вперед, труп противника закрывает проход. Застывшие лапки продолжают рефлекторно упираться в дерево. Что делать? № 327 упирается брюшком привратнику в лоб и напирает. Тело трепещет, хитин, разъеденный муравьиной кислотой, начинает плавиться, испуская серый дым. Но голова слишком велика. № 327 вынужден проделать то же самое четыре раза, прежде чем расчищает себе путь по уже плоскому черепу.

Он может пройти. С другой стороны он обнаруживает атрофированные торакс и брюшко. Муравей был только дверью, и ничем другим.

Конкуренты: Когда пятьдесят миллионов лет спустя появились первые муравьи, им пришлось нелегко. Дальние потомки тифииды—дикой осы-одиночки, муравьи не обладали ни большими мандибулами, ни жалами. Они были маленькими и тщедушными, но сообразительными, и быстро поняли, что им следует брать пример с термитов. Им надо было объединяться.

Они создали свои Деревни, построили свои примитивные Города. Увидев, что у них появились соперники, термиты сразу забеспокоились. Они считали, что на Земле есть место только для одного вида общественных насекомых.

Войны отныне стали неизбежны. Во всем мире, на островах, на деревьях и на горах, армии термитов сражались с юными армиями муравьев.

Такого в животном мире еще не бывало: миллионы мандибул схлестнулись не за съедобную добычу, а за «политическую» цель!

Поначалу более опытные термиты выигрывали все сражения, но потом муравьи многому научились. Они копировали оружие термитов и изобретали новое. Мировые термито-муравьиные войны охватили планету и длились от тридцати до пятидесяти миллионов лет. Со временем муравьи стали стрелять муравьиной кислотой, и вот тогда в военных действиях наступил коренной перелом.

В наши дни эти войны еще продолжают, но термиты теперь побеждают редко.

Эдмон Уэллс.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания»

— Так значит, вы познакомились с ним в Африке?

— Да, — ответил профессор. — У Эдмона было горе, кажется, жена умерла. И он с головой ушел в изучение насекомых.

— Почему насекомых?

— А почему нет? Насекомые с давних пор притягивают людей. Наши самые отдаленные предки боялись комаров, переносили лихорадку, блох, которые вызывали зуд, пауков, которые кусались, жуков-долгоносиков, пожиравших их продуктовые запасы. Это осталось в крови.

Джонатан находился в Фонтенбло, в Национальном центре научных исследований по

энтомологии и беседовал с профессором Розенфельдом, красивым стариком с длинными волосами, стянутыми на затылке в косичку.

— Насекомые загадочны. Они меньше и слабее нас, но они нас не боятся, а иногда даже и нападают на нас. Кстати, если вдуматься, все мы находим последнее пристанище в желудке насекомых. Потому что нашими останками лакомятся личинки мясной мухи...

— Я как-то об этом не думал.

— Насекомые долго считались воплощением зла. Не случайно Вельзевул, например, один из приспешников Сатаны, изображается с головой мухи.

— У муравьев репутация лучше, чем у мух.

— Смотря где. Разные культуры относятся к ним по-разному. В Талмуде они — символ честности. В тибетском буддизме они символизируют тщету и суету земных трудов. Африканцы из племени бауле, это Берег Слоновой Кости, верят, что если беременную женщину укусит муравей, то ребенок родится с муравьиной головой. А некоторые полинезийцы, наоборот, считают их маленькими божествами.

— Эдмон раньше работал с бактериями, почему же он их забросил?

— Бактерии не внушали ему и тысячной доли той страсти, которую он испытывал к насекомым, особенно к муравьям. Они были для него всем. Он требовал от властей запретить игрушечные муравейники, такие пластиковые аквариумы с королевой и шестьюстами муравьями, они продавались на каждом углу. Еще он предлагал разводить рыжих муравьев как санитаров леса, чтобы они уничтожали паразитов. Неплохо придумано, скажу я вам. В прошлом муравьев уже использовали для борьбы с походным шелкопрядом, пожирившим сосны в Италии, и против паутинных пилильщиков, уничтожавших еловые леса в Польше.

— То есть смысл в том, чтобы натравить одних насекомых на других?

— Как вам сказать... Эдмон называл это «вмешательством в их дипломатию». В прошлом веке мы наломали столько дров с ядохимикатами. Нельзя атаковать насекомое в лоб. Тем более нельзя его недооценивать и пытаться подчинить себе, как это сделали с млекопитающими. У насекомых другая философия, другое временное пространство, другие размеры. У насекомых, например, есть панацея от всех ядохимикатов — иммунитет. Вы знаете, почему до сих пор не удается побороть саранчу? Она, мерзавка, ко всему приспособливается. Попробуйте травить ее инсектицидами — девяносто девять процентов погибнет, но один процент выживет. И этот один процент не только будет обладать иммунитетом, он еще и произведет на свет потомство с «прививкой» против этой химии. Двести лет назад мы дали маху: стали без конца увеличивать токсичность ядохимикатов. Да настолько, что убили больше людей, чем насекомых. И вывели сверхстойкую породу саранчи, способную поглощать самый страшный яд без малейшего для себя вреда.

— Вы хотите сказать, что действенного средства борьбы с насекомыми не существует?

— Судите сами. И комары, и саранча, и жуки долгоносики, и мухи це-це живут по-прежнему, и муравьи — тоже. Они противостоят всему. В 1945 году заметили, что только муравьи и скорпионы пережили ядерный взрыв. Даже к этому приспособились!

Самец № 327 пролил кровь клетки Племя. Он совершил самое страшное насилие против своего собственного организма. Ему горько. Но разве был у него, гормона информации, другой способ выжить, чтобы выполнить свою миссию?

Он убил потому, что его пытались убить. Это цепная реакция. Как рак. Если Племя ведет себя по отношению к нему ненормально, он вынужден отвечать тем же. И он должен привыкнуть к этой мысли.

Он убил братскую клетку. Быть может, он убьет еще.

— Но зачем он уехал в Африку? Муравьи-то, вы сами говорите, есть везде.

— Конечно, но они разные... Я думаю, что после смерти жены Эдмон уже ничем не дорожил, сейчас я даже спрашиваю себя, не хотел ли он, чтобы муравьи помогли ему покончить жизнь самоубийством.

— Как это?

— А так, что они его чуть не сожрали, вот как! Африканские муравьи магнаны... Вы видели фильм «Когда Марабунта гневается»?

Джонатан отрицательно покачал головой.

— Марабунта — это лавина черных бродячих муравьев магнанов, по-научному *anpota nigricans*, которые движутся по равнине, уничтожая все на своем пути.

Профессор Розенфельд встал, словно для того, чтобы противостоять невидимой волне.

— Сначала слышен сильный шум: крики, писк, крылья хлопают, зверюшки улепetyвают, лапками шуршат. Магнанов еще не видно. Потом из-за пригорка возникает несколько воинов. А за разведчиками вскоре появляются и остальные, бесконечными, насколько хватает взгляда, колоннами. Холм становится черным. Это как поток лавы, расплавляющей все, к чему она прикасается.

Профессор, жестикулируя, ходил взад-вперед, поглощенный своим рассказом.

— Это ядовитая кровь Африки. Живая кислота. Количество их устрашает. Колония магнатов ежедневно, кладет в среднем полмиллиона яиц. Можно заполнять целые ведра... Ну и этот поток серной кислоты течет, поднимается на склоны и деревья. Ничто его не останавливает. Птицы, ящерицы, насекомоядные млекопитающие, что на свою беду приблизились к нему, немедленно превращаются в мелкое крошево.

Апокалиптическое зрелище! Магнаны не боятся никого. Однажды я видел, как не в меру любопытная кошка в мгновение ока буквально растворилась в них. Они даже через ручьи переправляются, делая плавучие мосты из собственных трупов!.. На Берегу Слоновой Кости, в районах, соседствующих с центром по изучению экологии в Ламто, где мы наблюдали за этими муравьями, местные племена до сих пор не придумали, как с ними бороться. Когда объявляют о том, что крошечные Аттилы пройдут через деревню, люди спасаются бегством, прихватив с собой все самое ценное. Они ставят ножки столов и стульев в ведра с уксусом, уходят и молятся своим богам. Когда они возвращаются, всю их деревню как корова языком слизнула. Не остается ни крошки съестного, ни кусочка какой-либо органической субстанции. И конечно, никаких насекомых-паразитов. Так что если нужно вычислить хижину снизу доверху, лучше магнанов средства не найти.

— А как же вы их изучали, если они такие свирепые?

— Ждали полуденной жары. У насекомых нет системы регуляции температуры, как у нас.

Когда на улице плюс восемнадцать, температура их тела тоже восемнадцать градусов. Когда наступает жара, их кровь закипает. Вытерпеть этого они не могут. Поэтому с первыми палящими лучами они выкапывают себе гнездо-бивак и ждут в нем щадящей температуры. Это как мини-спячка, только муравьев в нее вгоняет не холод, а жара.

— Ну и что же дальше?

Джонатан не умел вести диалог. Он считал, что дискуссия — это сообщающиеся сосуды. Один собеседник что-то знает, — это наполненный сосуд, другой этого не знает — пустой сосуд. Как правило, пустым сосудом бывал он сам, Джонатан. Тот, кто не знает, должен наострить уши и время от времени подогреть пыл собеседника восклицаниями типа «ну а дальше?», «расскажите мне об этом», а также своевременными покачиваниями головой.

Если другие способы общения и существуют, то Джонатан о них не знал. Кстати, наблюдая

за своими современниками, он пришел к выводу, что те вели не диалог, а параллельные монологи. Каждый пытался использовать другого просто в качестве бесплатного психоаналитика. Ну а раз так, то Джонатан предпочитал действовать по-своему. Может быть, он производил впечатление невежды, но по крайней мере он все время что-то узнавал. Разве не гласит китайская поговорка: «Тот, кто задает вопрос, глупец в течение пяти минут, тот, кто его не задает, глупец всю свою жизнь»?

— Что дальше? Ну и пошли мы туда, вот что дальше. Поверьте мне, это было нечто. Мы хотели найти их королеву, пропади она пропадом. Знаменитую жирную дурынду, которая откладывает пятьсот тысяч яиц в день. Мы хотели просто посмотреть на нее и сфотографировать. Все надели толстые болотные сапоги. Эдмону не повезло, у него был сорок третий размер ноги, а сапоги ему достались сорокового размера. И он пошел в кроссовках... Я помню все так, как будто это было вчера. В половине первого мы нарисовали на земле предполагаемые очертания гнезда-бивака и начали рыть вокруг него траншею глубиной в метр. В половине второго мы достигли внутренних помещений. И оттуда полилось что-то вроде черной, потрескивающей жидкости. Тысячи взбудораженных солдат щелкали мандибулами. У этого вида муравьев они острые, как лезвие бритвы. Муравьи забирались нам в сапоги, а мы, при помощи лопаты и кирки, продолжали продвигаться к «брачному чертогу». В конце концов, мы нашли свое сокровище. Королеву. Насекомое, размерами раз в десять больше наших европейских королев. Мы сфотографировали ее во всех ракурсах, пока она, наверное, вопила «Боже, храни Королеву» на своем пахучем языке... Результаты не заставили себя ждать. Отовсюду сбежались воины и сплелись в клубки на наших ногах. Некоторые прыгали вверх, опираясь на своих собратьев, уже вгрызшихся в каучук. Оттуда они ползли под брюки, потом под рубашки. Мы все превратились в Гулливеров, но наши лилипуты мечтали только о том, чтобы искромсать нас в салат и съесть! Надо было особенно внимательно следить за тем, чтобы они не проникли ни в одно естественное отверстие: ни в нос, ни в рот, ни в уши, ни в задний проход. Иначе пиши пропало, они прогрызутся внутрь!

Потрясенный, Джонатан молча слушал. А профессор как будто помолодел и с юношеской энергией переживал заново свои приключения, сопровождая рассказ мимикой.

— Мы изо всех сил отряхивались, чтобы прогнать муравьев. Их привлекало наше дыхание и наш пот.

Мы все делали упражнения гимнастики йогов, чтобы медленнее дышать и контролировать наш страх. Старались не думать, забыть об этих гроздьях воинов, которые хотели нас убить. И мы отсняли две пленки фотографий, некоторые со вспышкой. Когда мы закончили, то все побежали из траншеи. Все, кроме Эдмона. Муравьи покрыли его всего, с головой, они уже почти съели его. Мы вытащили его за руки, раздели и с помощью мачете соскоблили все челюсти и головы, вросшие в него. Мы поплатились все, но не так, как он. Он же был без сапог. И еще он запаниковал, у него выделились феромоны страха.

— Это ужасно.

— Нет, это прекрасно, если остаешься в живых. Это, кстати, не отвратило Эдмона от муравьев. Наоборот, он стал их изучать с еще большим рвением.

— А потом?

— Он вернулся в Париж. С тех пор я больше ничего о нем не слышал. Думал, вот ведь свинья, даже ни разу не позвонил старине Розенфельду. Потом я прочел в газете, что он умер. Что ж, пусть земля ему будет пухом.

Профессор подошел к окну, раздвинул занавески и посмотрел на старый жестяной эмалированный термометр.

— М-да-а, тридцать градусов — это в апреле-то! С каждым годом все жарче и жарче. Если и

дальше так пойдет, через десять лет Франция превратится в тропики.

— Неужели все так серьезно?

— Мы не отдаем себе в этом отчета, потому что все происходит постепенно. Но энтомологи замечают мелкие детали: в парижском бассейне появляются виды насекомых, типичные для экваториальных регионов. Вы не обратили внимания на то, что бабочки становятся все пестрее?

— Действительно, я только вчера видел одну, светящуюся, черно-красную, она сидела на машине...

— Несомненно, это была пестрянка с пятью пятнами. Это ядовитая бабочка, которая до сих пор встречалась только на Мадагаскаре. Если так пойдет дальше... Вы представляете себе магнанов в Париже? То-то будет переполох. Забавно было бы посмотреть...

Почистив усики и съев несколько теплых кусков «взломанного» привратника, самец без запахов трусит по деревянным коридорам. Недалеко уже материнская ложа, он чувствует ее. Температура, к счастью, двадцать пять градусов тепла, при такой погоде в запретном Городе народу немного. Можно будет проскочить незаметно.

Вдруг он чувствует запах двух воинов, идущих ему навстречу. Большой и маленький. У маленького не хватает лапок...

Они одновременно на расстоянии втягивают запахи друг друга.

Невероятно, но это он!

Невероятно, но это они!

№ 327 удирает со всех ног, в надежде оторваться. Он заворачивает и заворачивает в трехмерном лабиринте. Он покидает запретный Город. Привратники его не задерживают, они запрограммированы на фильтрацию входящих внутрь. Теперь его лапки топчут мягкую землю. Он делает вираж за виражом.

Но двое его преследователей тоже бегут быстро и не отстают. Тут самец толкает рабочего с травинкой, и тот падает на землю. № 327 делает это нечаянно, но убийцы с запахом скальных камней задержаны.

Нужно воспользоваться этой отсрочкой. Самец быстро прячется в углублении в стене.

Хромой приближается. № 327 вжимается в свое укрытие.

— Куда он делся?

— Он снова спустился.

— Как это снова спустился?

Люси взяла Огюсту за руку и проводила ее к двери в подвал.

— Он там со вчерашнего вечера.

— И еще не поднялся?

— Нет. Не знаю, что он там внизу делает, но он категорически запретил мне звать спасателей... Он уже много раз спускался и поднимался.

Огюста вытаращила глаза.

— Но это немыслимо! Его дядя, между прочим, строго-настрого запретил ему...

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)